

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 48.04.01 Теология
очной формы обучения, группы 10001710
Багнетова Вадима Эдуардовича

Научный руководитель
к. филос. н., доцент
Дергалев С.М.

Рецензент
к. филос. н., доцент кафедры
социальной работы НИУ
«БелГУ»
Кулабухов Д.А.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	10
1.1. Светские и конфессиональные подходы к исследованию фено- мена старообрядчества в дореволюционной России	10
1.2. Анализ методологических подходов к исследованию генезиса и эволюции старообрядчества в дореволюционной научно–богослов- ской мысли	24
II. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗЗРЕНИЙ НА ИСТОРИЮ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ЗАПАДНОМ И РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ НАУЧНО–БОГОСЛОВСКОМ ДИСКУРСЕ	36
2.1. Развитие воззрений на историю старообрядчества в отечествен- ной дореволюционной научно–богословской мысли	36
2.2. Развитие воззрений на историю старообрядчества в западной до- революционной научно–богословской мысли	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	76

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Залогом процветания для любого государства является духовное здоровье его народа, основанное на уважении к собственной истории и традициям. Последние десятилетия в жизни российского общества отмечены кризисными явлениями в духовной сфере. С одной стороны, очевиден глубокий спад народного самосознания, в обществе утрачивается гордость за свое отечество и ответственность за него. С другой стороны, свершившимся фактом стала экспансия западной культуры, которая проявляет себя в новых ценностях, нормах поведения и речи.

Подобные явления наблюдаются в России не впервые. Во многом они являются следствием очередного витка так называемой «догоняющей модернизации», начавшейся еще в XVII веке и призванной приблизить нашу страну к развитым европейским странам. Отрицательными сторонами этого процесса, является некритическое заимствование чужого опыта и механический перенос западных эталонов на русскую почву, обрывающие преемственность национальной культуры.

Преодолеть названные негативные явления можно, лишь осмыслив основы традиционной русской культуры. В этой связи внимание различных сил снова привлекает прошлое старообрядчества, тем более, что в настоящее время стали доступными многочисленные дореволюционные труды по осмыслению феномена и истории старообрядчества, написанные представителями западной и отечественной научно–богословской мысли.

Особый интерес представляет период существования староверия, приходящийся на XIX – начало XX в. Это обстоятельство обусловлено двумя основными причинами. Во–первых, данный период оказался отмечен ускорением модернизационных процессов в государстве и обществе, разрушением патриархальных устоев в жизни широких слоев населения, а также «вестернизацией», проявившейся в экономической, политической и культурной сферах. Именно на этом историческом фоне особенно ярко проявились самобытные

культурные особенности «ревнителей старины», представлявших наиболее консервативную часть российского общества. Во–вторых, в конце XIX – начале XX века были заложены основы государственной конфессиональной политики, в соответствии с которой за старообрядчеством впервые официально было признано право на существование. Опыт исследования отечественного религиозного инакомыслия в то время может быть востребован в условиях формирования новой, демократической модели отношений между государством, обществом в целом и религиозными организациями на современном этапе. Соответственно, чтобы использовать данный опыт исследования отечественного религиозного инакомыслия его необходимо в первую очередь изучить.

Степень разработанности проблемы. Тема истории старообрядчества отличается многообразием исследовательских концепций, первые из которых появились в XVIII – XIX веках. В истории изучения этого феномена можно выделить четыре основных периода, каждый из которых характеризуется появлением новых подходов к объяснению сущности староверия.

Первый период приходится на XVIII – первую половину XIX века, когда монополия на изучение старообрядчества принадлежала представителям официальной церкви. Они образовали так называемое «миссионерское» направление в историографии «раскола», призванное вести с ним идеологическую борьбу. Предметом исследований историков–«миссионеров» были, прежде всего, вопросы догматические, а церковный раскол они рассматривали исключительно как явление неполноценной религиозной жизни, формируя в сознании общества негативный образ «раскольников». Так, еще в начале XVIII века митрополит Димитрий Ростовский, проанализировав состояние современного ему староверия, представил старообрядцев как носителей фанатичного упрямства и гордыни, диких суеверий и религиозного невежества¹. Последую-

---

¹Кузоро К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Изд–во Том. ун–та, 2011. 182 с.

щие церковные историки продолжили традицию «обличения» старообрядчества. Например, А. Иоаннов, чей труд о старообрядцах неоднократно переиздавался, в конце XVIII – начале XIX века, писал про раскол, что это «в обществе гнилая рана, которая ни едкими строгостей пластырями, ни мягкими милосердия средствами не пользуется, и не только остается не исцеленной, но еще претворяется в черном народе в заразу, умножающую яд свой в сердцах невежливых упрямцев»².

Второй этап в исследовании истории старообрядчества начинается в середине XIX в. с появлением еще одного историографического направления – «светского», представленного независимыми от церковных властей учеными демократической ориентации. Они увидели в староверии не только религиозную, но и социально–политическую составляющую. Родоначальником нового подхода считается известный русский историк А.П. Щапов³. Последователями А.П. Щапова явились В.В. Андреев⁴, Ф.В. Ливанов⁵, В.И. Кельсиев⁶. Исследуя историю старообрядчества с момента его появления и до середины XIX в., они взяли на вооружение идею о социально–политических причинах раскола, причем придали ей гипертрофированное значение.

В 80–е гг. XIX столетия появились работы светских историков и клерикальных публицистов, посвященные актуальной тогда теме – политическим воззрениям староверов. А.С. Пругавин⁷, И.И. Каблиц⁸ писали об их «коммуни-

---

²Иоаннов А., прот. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях. СПб.: Тип. Св. синода, 1795. С. 46.

³Щапов А.П. Русский раскол старообрядства. Казань: Иван Дубровин, 1859. 547 с.

⁴Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. 424 с.

⁵Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Тип. д–ра М. Хана, 1868. Т. 1. 459 с.

⁶Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner & Co, 1860. Вып. 1. 224 с.

⁷Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т–ва И.Д. Сытина, 1904. 283 с.

⁸Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881. 180 с.

стических идеях» и антигосударственном протесте. Н.И. Субботин, возглавлявший тогда кафедру истории и обличения раскола в Московской духовной академии, высказал мнение, что старообрядцы являются «орудием враждебных России партий за границей», имея в виду староверов Белокриницкой иерархии⁹.

Фундаментальные, с точки зрения фактического наполнения, труды по истории старообрядчества в XVII – XVIII в. были написаны в конце XIX – начале XX века протоиереем Т.И. Буткевичем¹⁰, который, впрочем, называл раскол «тяжелой болезнью русской церкви», а само староверие – «порождением еретического новшества». Очень важная для нашего исследования с методологической точки зрения работа «Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви, с изложением действующего о них законодательства», была написана в 1900 году В.И. Яцкевичем¹¹. В староверии он увидел протест религиозно–национального самосознания части русского народа против попытки подчинить его постороннему авторитету, попытку защитить отечественные традиции от западного влияния.

Примерно в это же время выходят труды западных исследователей русского раскола – А. фон Гакстгаузена,¹² И. Геринга¹³ и А. Херда¹⁴.

---

⁹ Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синод. тип., 1892. 47 с.

¹⁰ Буткевич Т.И., прот. Обзор русских сект и их толков. Харьков.: Тип.: Губ. правл., 1910. 635 с.

¹¹ Яцкевич В.И. Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви, с изложением действующего о них законодательства. М.: Т–во И.Д. Сытина, 1900. 83 с.

¹² Гакстгаузен А. фон. Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. 336 с.

¹³ Gehring J. Die Sektender Russischen Kirche, (1003–1897): Nach Ihrem Ursprunge und Inneren Zusammenhange. Leipzig, 1898. 240 p.

¹⁴ Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. 335 p.

Из числа современных исследователей истории русского раскола наибольший интерес представляют В.В. Молзинский¹⁵, С.Г. Пушкарев¹⁶, И.Р. Латыпов¹⁷ и особенно К.А. Кузоро¹⁸.

Объект исследования: история Русской Церкви.

Предмет исследования: история старообрядчества в дореволюционный период.

Целью исследования является анализ отражения воззрений на историю старообрядчества, как на феномен генезиса и эволюции отечественного протестантизма в западной и российской дореволюционной научно–богословской мысли.

Для осуществления поставленной цели предполагается решение **следующих задач:**

- проанализировать светские и конфессиональные подходы к исследованию феномена старообрядчества в дореволюционной России;
- охарактеризовать методологию исследования генезиса и эволюции старообрядчества в дореволюционной научно–богословской мысли;
- рассмотреть развитие воззрений на историю старообрядчества в отечественной дореволюционной научно–богословской мысли;
- исследовать развитие воззрений на историю старообрядчества в западной дореволюционной научно–богословской мысли.

Теоретико–методологические основы исследования. Для проведения

¹⁵ Молзинский В.В. Историография истории старообрядчества в отечественной культуре [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriografiya-istorii-starobryadchestva-v-otechestvennoy-kulture> (дата обращения: 16.10.2018).

¹⁶ Пушкарев С.Г. Историография старообрядчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golubinski.ru/history/istorist.htm> (дата обращения: 16.10.2018).

¹⁷ Латыпов И.Р. Краткий обзор историографии старообрядчества [Электронный ресурс]. URL: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_kratkij_obzor_istoriografii_starobryadchestva/32-1-0-1925 (дата обращения: 16.10.2018).

¹⁸ Кузоро К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Изд–во Том. ун–та, 2011. 182 с.

исследования были использованы как общенаучные методы исследования, так и методы исследования конкретных наук. В качестве общенаучных методов исследования применялся, например, метод интерпретации полученных данных, позволивший интерпретировать информацию из различных отечественных и зарубежных дореволюционных исследований по проблемам истории старообрядчества. Другим общенаучным методом исследования, примененным в работе, является метод систематизации, позволивший систематизировать работы дореволюционных историков по теме генезиса феномена старообрядчества. В свою очередь, такой общенаучный метод исследования, как метод анализа, позволил проанализировать подходы к определению методологии изучения истории старообрядчества в дореволюционном научно–богословском исследовательском дискурсе. Непосредственно примером частнонаучных методов, примененным в исследовании, является исторический научный метод кросс–культурного анализа или сравнительно–исторический метод, позволяющий сравнить эволюцию воззрений на историю старообрядчества в ходе развития отечественной и зарубежной научно–богословской мысли в дореволюционной России.

Научная новизна исследования состоит в том, что в исследовании обобщены и систематизированы в хронологическом порядке труды по истории старообрядчества представителей светской и конфессиональной научно–богословской зарубежной и отечественной мысли. Также в исследовании впервые рассмотрены и проанализированы дореволюционные подходы к определению методологии изучения истории старообрядчества. Кроме этого, в исследовании проведен сравнительный анализ интерпретации генезиса и эволюции феномена старообрядчества в рамках научно–богословского дискурса.

Научно–практическая значимость исследования. Выводы и результаты исследования позволяют внести вклад в современные научные теоретические разработки по проблемам исследования методологии сектантства в целом

и старообрядчества в частности. Кроме этого, в исследовании рассмотрены вопросы определения степени научности дореволюционных работ по истории старообрядчества, что позволит в дальнейшем существенно повысить качество научных изысканий по рассматриваемой проблеме. Результаты исследования также могут быть использованы в образовательном процессе, а именно, в преподавании следующих дисциплин: «История Русской Православной Церкви», «Сравнительное богословие», «Сектоведение», «Новые религиозные движения», а также для разработки и преподавания специализированных курсов по истории старообрядчества и дореволюционного сектоведения.

Апробация результатов исследования. Основные положения выпускной квалификационной работы были изложены в докладах на XIV Всероссийской Бурденковской студенческой научной конференции; на VI Международной научно-практической конференции «Евангелие в контексте современной культуры. 1917-2017: духовно-нравственные ценности и будущее человечества»; на научно-практической конференции «X Кирилло-Мефодиевские Чтения: Профилактика религиозного экстремизма в молодежной среде».

По теме выпускной квалификационной работы опубликовано 2 статьи.

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

1.1. Светские и конфессиональные подходы к исследованию феномена старообрядчества в дореволюционной России

Тема историографии старообрядчества в отечественной науке на сегодняшний день получила отражение в трудах ряда исследователей. Но, если советский период историографии старообрядчества рассмотрен достаточно полно и подробно, то дореволюционный период представлен сравнительно небольшим количеством фамилий дореволюционных авторов, в трудах которых затрагивается или анализируется история старообрядчества. Так например, в статье В.В. Молзинского, опубликованной в 2017 г., в качестве дореволюционных историков русского раскола представлены такие авторы, как Н.Ф. Каптерев, Е.Е. Голубинский, Н.М. Никольский, В.О. Ключевский, митрополит Дмитрий Ростовский, А. Иоаннов (А.И. Журавлев), П.И. Богданович, митрополит Макарий (Булгаков), Александр Б. (Бровкович А.Н.), Н.И. Субботин, А.Л. Гейден, Н.А. Гиббенет, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, И.Я. Сырцов, А.К. Бороздин, В.Г. Дружинин, И.С. Аксаков, Н.И. Костомаров, П.И. Мельников–Печерский, то есть 20 представителей дореволюционной историографии¹⁹.

В другом более раннем примере историографии раскола, а именно в труде С.Г. Пушкарева, дореволюционная историография старообрядчества представлена такими именами, как Е.Е. Голубинский, В.О. Ключевский, митрополит Дмитрий Ростовский, Н.И. Субботин, В.А. Мякотин, А.К. Бороздин, В.Г. Дружинин, П.И. то есть 7 уже упомянутых нами представителей дореволюционной историографии, а также С.П. Мельгунов, А.П. Щапов, В.М. Андер-

---

¹⁹ Молзинский В.В. Историография истории старообрядчества в отечественной культуре [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriografiya-istorii-starobryadchestva-v-otechestvennoy-kulture> (дата обращения: 16.10.2018).

сон, Н.И. Ивановский, В. Карлович, В.И. Кельсиев, А.И. Кириллов, К. Плотников, А.С. Пругавин, А.С. Рыбаков, Д.И. Сапожников, Ф.К. Сахаров, В.Г. Сенатов, П.С. Смирнов, Н.С. Соколов, И.Х. Стрельбицкий, то есть еще 16 представителей дореволюционной историографии раскола²⁰.

В качестве следующего примера историографии старообрядчества, затрагивающей дореволюционный период, необходимо отметить современную работу И.Р. Латыпова, опубликованную на старообрядческом Интернет–ресурсе. В данной статье, в качестве представителей дореволюционной историографии старообрядчества указаны С.М. Соловьев, Н.И. Субботин, Н. Гиббенет, Н.И. Костомаров, Н.Ф. Каптерев, Е.Е. Голубинский, П.С. Смирнов, А.П. Щапов, то есть всего 8 представителей дореволюционной историографии раскола²¹.

Однако на роль наиболее полного современного исследования по историографии дореволюционного раскола претендует труд кандидата исторических наук К.А. Кузоро. В данном труде в качестве источниковой базы – дореволюционных «исторических и полемико–догматических сочинений церковных историков» по истории раскола, указано 65 наименований. То есть можно предположить, что будет около 60 имен представителей дореволюционных исследователей истории старообрядчества. Но по факту, К.А. Кузоро указывает таких дореволюционных исследователей, как Аркадий (архиеп. Пермский и Петрозаводский), Афанасий (архиеп. Холмогорский и Важеский), Д.Н. Беликов, Н.И. Ивановский, Е.Е. Голубинский, Григорий (митр. Новгородский и Санкт–Петербургский), И.М. Громогласов, митрополит Димитрий Ростовский, А.А. Дмитриевский, А.И. Журавлев, Н.И. Ивановский, Игнатий (архиеп. Воронежский и Задонский), Н.Ф. Каптерев, Макарий (еп. Тамбовский и Шацкий),

---

²⁰ Пушкарев С.Г. Историография старообрядчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golubinski.ru/history/istorist.htm> (дата обращения: 16.10.2018).

²¹ Латыпов И.Р. Краткий обзор историографии старообрядчества [Электронный ресурс]. URL: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_kratkij_obzor_istoriografii_staroobryadchestva/32-1-0-1925 (дата обращения: 16.10.2018).

митрополит Макарий (Булгаков), И.Т. Никифоровский, И.Ф. Нильский, П. Прусский, Питирим (архиеп. Нижегородский), Платон (архиеп. Московский и Калужский), митр. Московский Платон (Левшин), К.Н. Плотников, Д.Н. Беликов, Макарий (архиеп. Харьковский), С. Полоцкий, П.С. Смирнов, Н.И. Субботин, Ф. Лопатинский, Ф. Дроздов²². То есть и в монографическом исследовании К.А. Кузоро набирается 29 представителей дореволюционных исследователей истории раскола, около половины из которых упоминается и в трудах других современных историографов дореволюционной истории старообрядчества. На основании этого необходимо отметить, что представители современной историографии русского раскола, характеризуя дореволюционный период историографии истории старообрядчества, выделяют около 50 основных дореволюционных историков, исследовавших историю русского раскола.

Теперь перейдем к ответу на основной вопрос этого параграфа «Сколько опубликованных работ дореволюционных исследователей, занимавшихся изучением истории старообрядчества, существует на сегодняшний день?», для чего составим собственную историографию дореволюционного исследования истории раскола. Существенную помощь при составлении данной историографической справки нас сегодняшний день оказывают электронные поисковые системы полнотекстовых вариантов книг «Российской государственной библиотеки»²³ и сайта «archive.org»²⁴, объединяющего библиотеки США и Канады. В последнее десятилетие на этих сайтах стало доступным огромное количество оцифрованных текстов работ по исследуемой теме. Причем, если на сайте «Российской государственной библиотеки» доступны работы из отечествен-

---

²² Кузоро К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 182 с.

²³ Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/#ff=18.03.2019&s=fdatedesc> (дата обращения: 16.10.2018).

²⁴ Библиотечно-поисковая система сайта <https://archive.org> [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/search.php?query=&sin=TXT> (дата обращения: 16.10.2018).

ных книгохранилищ, то на сайте «archive.org» доступны оцифрованные работы, вывезенные белоэмигрантами и впоследствии переданные в ведущие библиотеки США и Канады.

Для удобства восприятия материала и для его систематизации, представляется возможным разделить общее количество опубликованных работ дореволюционных исследователей старообрядчества на три группы – опубликованные работы отечественных конфессиональных (православных) исследователей, опубликованные работы отечественных светских исследователей и опубликованные работы иностранных исследователей истории старообрядчества. Кроме того, в каждой из этих групп для анализа хронологических показателей активности нами предусмотрено деление на десятилетние периоды.

Соответственно в группу опубликованных работ дореволюционных отечественных конфессиональных (православных) исследователей истории старообрядчества попадает следующее количество опубликованных работ:

Соответственно в группу дореволюционных отечественных конфессиональных (православных) исследователей истории старообрядчества попадают такие исследователи, как:

- в период с 1700 по 1710 гг., - Д. Ростовский;
- в период с 1780 по 1790 гг., - прот. А.Г. Левшин;
- в период с 1790 по 1800 гг., - А.И. Журавлев, прот. А. Иоаннов;
- в период с 1820 по 1830 гг., - архим. Аполлос;
- в период с 1830 по 1840 гг., - Н.А. Руднев;
- в период с 1840 по 1850 гг., - архиеп Воронежский Игнатий, иеросхим.

Иоанн (Мельников);

- в период с 1850 по 1860 гг., - архим. Варлаам, архиеп. Воронежский Игнатий, еп. Макарий, А.Н. Муравьев, П. Охотин, Рудольфов (имя не указано), И.А. Чистович, А.П. Щапов;

- в период с 1860 по 1870 гг., - «А.П.» (настоящее имя не известно), Александр Бровкович, И.Д. Беляев, архим. Вениамин, прот. Т. Верховский, И.Г. Ви-

ноградов, «Е-в» (настоящее имя не известно), В. Лаврский, архим. Леонид (Кавелин), К.Ф. Надеждин, И.Ф. Нильский, В. Огнев, архим. Палладий, игум. Парфений, Н.И. Попов;

- в период с 1870 по 1880 гг., - Н.И. Барсов, И.В. Васильев, архим. Григорий (Воинов), архим. Григорий, М. Козлов, Г. Михайловский, М.Я. Монастырев, иером. Пафнутий;

- в период с 1880 по 1890 гг., - С.А. Белокуров, В.В. Болотов, В. Васильев, еп. Вениамин (Благонравов), Л. Епифанович, митр. Макарий, И.Д. Мансветов, П.Ф. Николаевский, П.Ф. Новгородский, Г. Панов, К. Попов, Ф.К. Сахаров, И.Х. Стрельбицкий, И.Я. Сырцов;

- в период с 1890 по 1900 гг., - М. Агапов, Е.П. Аквилонов, А. Никольский, архиеп. Аркадий (Федоров), В. Беликов, Н. Беренский, митр. Смирнский Василий, еп. Виссарион, И.М. Громогласов, В. Дмитриевский, Н.А. Заозерский, В.А. Ивановский, Н.И. Ивановский, Н. Левитский, И. Легатов, диак. «Н-й К-в» (настоящее имя не известно), И.Т. Никифоровский, С.Я. Никольский, П. Орлов, А.Л. Синайский, В.М. Скворцов, Д.И. Скворцов, П.С. Смирнов, Н.С. Соколов, П.С. Соколов, Н.И. Субботин;

- в период с 1900 по 1910 гг., - Д.А. Александров, Д.Н. Беликов, Л.К. Бродский, иером. Варсонофий, В.М. Верюжский, Н. Виноградов, В.Н. Давыденко, Д.Ф. Стефанович, прот. В.И. Жмакин, Е.К. Зубарев, свящ. Иоанн (Верховский), П.Д. Иустинов, К.И. Казанский, А. Кандарицкий, Н.Ф. Климов, Е.Е. Лебедев, В. Малинин, П.И. Цвейтов, П. Прусский, К.Н. Плотников, М.С. Попов, Е. Поселянин, В.В. Розанов, К.В. Харлампович, М.П. Чельцов;

- в период с 1910 по 1917 гг., - И.Г. Айвазов, А. Дородницын, еп. Ануфрий, В.З. Белоликов, С.Н. Богданович, Н. Бортовский, Т.И. Буткевич, М.А. кальнев, И.А. Карабинов, Ф.Д. Круглов, Д. Кучуков, Д. Лебедев, Н.В. Лысогорский, Х. Максимов, В.С. Марков, Д.В. Островский, П. Павловский, И. Полянский, прот. Христофор (Максимов).

В итоге, в данную группу входит, как минимум, 134 опубликованные работы дореволюционных исследователей православного исповедания, либо

принадлежащих к православному духовному сословию. Причем, если в конце XVIII – первой половине XIX вв., максимальная публикационная активность православных авторов по истории церковного раскола доходила до двух работ за десятилетие, что прослеживается в период с 1840 по 1850 гг. То во второй половине XIX – начале XX вв., максимальная публикационная активность православных авторов по истории церковного раскола доходила до двадцати шести работ за десятилетие, что прослеживается в период с 1890 по 1900 гг.

В качестве примеров опубликованных работ из данной группы представляется возможным привести работы таких исследователей, как Н.И. Барсов²⁵,

---

²⁵ Барсов Н.И. Русский простонародный мистицизм. СПб.: Типография департамента уделов, 1869. 70 с.

И.М. Добротворский,²⁶ прот. А. Иоаннов (А.И. Журавлев)²⁷, Н.И. Ивановский²⁸, архиеп. Воронежский Игнатий²⁹, еп. Израиль (Я.И. Лукин)³⁰, митр. Макарий³¹, прот. Христофор (Максимов)³², А.Н. Муравьев³³, И.Ф. Нильский³⁴, архим. Палладий³⁵, Н.И. Субботин³⁶, А.П. Щапов³⁷, Г. Яковлев³⁸, Д.А. Александров³⁹, Д.Н. Беликов⁴⁰, Л.К. Бродский⁴¹, иером. Варсонофий⁴², В.М. Верюжский⁴³, Н. Виноградов⁴⁴, В.Н. Давыденко⁴⁵.

---

²⁶ Добротворский И.М. Исторические сведения об киргизских мнимо–старообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник. 1857. Ч. 2. С. 519–590.

²⁷ Иоаннов А., прот. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях. СПб.: Тип. Св. синода, 1795. 422 с.

²⁸ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань.: Центральная типография, 1909. 238 с.

²⁹ Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский. Беседы о мнимом старообрядстве в поповщине. СПб.: Тип. Деп. внеш. торговли, 1847. 238 с.

³⁰ Израиль (Лукин), еп. Обзорение русских раскольничьих толков. Харьков.: Унив. тип., 1850. 328 с.

³¹ Макарий (Булгаков), митр. Московский. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб.: Типо–лит. Р. Голике, 1889. 404 с.

³² Христофор (Максимов), прот. Попытка узаконить беззаконие. М.: Рус. печ., 1910. 98 с.

³³ Муравьев А.Н. Раскол, обличаемый своею историею. СПб.: Тип. II Отд–ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1854. 429 с.

³⁴ Нильский И.Ф. Семейная жизнь в русском расколе. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. 256 с.

³⁵ Палладий (Кафаров), архим. Обзорение Пермского раскола. СПб.: Типография Духовного журнала «Странник», 1863. 47 с.

³⁶ Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синод. тип., 1892. 47 с.

³⁷ Щапов А.П. Русский раскол старообрядства. Казань: Иван Дубровин, 1859. 547 с.

³⁸ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. 169 с.

³⁹ Александров Д.А. Выписка из творений св. отцов и учителей церкви в русском переводе, а также из старопечатных древлеписьменных книг и сочинений духовных и светских писателей по вопросам веры и благочестия пререкаемым старообрядцами. СПб.: журн. "Православ. путеводитель", 1907. 376 с.

⁴⁰ Беликов С.Д. Старообрядческий раскол в Томской губернии. Томск: типо–лит. П.И. Макушина, 1894. 41 с.

⁴¹ Бродский Л.К. К вопросу об единоверческом епископе: историческая справка // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 116–132.

⁴² Варсонофий, иером. Заметка по поводу статьи бывшего архимандрита Михаила, напечатанной им в старообрядческом журнале "Церковь" под заглавием "В защиту старообрядчества". Новгород: Губ. тип., 1908. 18 с.

⁴³ Верюжский В.М. Выговская пустынь в первые годы существования // Христианское чтение. 1904. № 5. С. 748–750.

А также Д.Ф. Стефанович⁴⁶, В.И. Жмакин⁴⁷, Е.К. Зубарев⁴⁸, свящ. Иоанн (Верховский)⁴⁹, П.Д. Иустинов⁵⁰, К.И. Казанский⁵¹, А. Кандарицкий⁵², Н.Ф. Климов⁵³, Е.Е. Лебедев⁵⁴, В. Малинин⁵⁵, П.И. Цвейтов⁵⁶ и др.

В свою очередь в группу опубликованных работ дореволюционных отечественных светских исследователей истории старообрядчества попадает следующее количество опубликованных работ:

- в период с 1750 по 1760 гг., - И. Алексеев;
- в период с 1780 по 1790 гг., - П.Ф. Богданович;
- в период с 1790 по 1800 гг., - старообрядческий иером. Сергей;
- в период с 1840 по 1850 гг., - Е.Г. Бронина;
- в период с 1850 по 1860 гг., - Г. Постников, А.И. Лилов, И.П. Липранди;

---

⁴⁴ Виноградов Н. Раскол пред судом здравого человеческого смысла и правды Божией. Рязань: издание Братства св. Василия, епископа рязанского, 1908. 222 с.

⁴⁵ Давыденко В.Ф. Современное состояние расколо-сектантства в Харьковской епархии (по данным Епархиального миссионерского съезда). Харьков: тип. Губ. правл., 1901. 187 с.

⁴⁶ Стефанович Д.Ф. О значении Стоглава в истории древнерусского церковного права. СПб.: тип. М. Меркушева, 1910. - 8 с.

⁴⁷ Жмакин В.И. Эпизод из истории единоверия // Христианское чтение. 1903. № 10. С. 458-485.

⁴⁸ Зубарев Е.К. Современные вопросы в полемике с расколом старообрядчества. Кострома: Губ. тип., 1909. 108 с.

⁴⁹ Верховский И.Т. Путь к решению старообрядческого вопроса. Браила: тип. Пестималжиоглу, 1901. 7 с.

⁵⁰ Иустинов П.Д. Федосеевщина при жизни её основателя // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 256-281.

⁵¹ Казанский К.И. О расколе в Троицком приходе, Каргопольского уезда. Петрозаводск: Губ. тип., 1900. 11 с.

⁵² Кандарицкий А.П. Опыт систематического пособия при полемике с старообрядцами с кратким очерком развития древних сект и русского расколостарообрядчества. Стерлитамак: тип. А.В. Кузнецова, 1907. 724 с.

⁵³ Климов Н.Ф. Постановления по делам православной церкви и духовенства в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Лештук. паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1902. 24 с.

⁵⁴ Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу: Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и прил. Новгород: паров. тип. Селиванова, 1904. 28 с.

⁵⁵ Малинин В.Н. Старец Елезарова монастыря Филофей и его послания. Киев: тип. Киево-Печерск. Успенск. лавры, 1901. 1029 с.

⁵⁶ Цвейтов П.И. Описание Подрельского раскола: История его от возникновения и до настоящего времени. 1906 г. Вятка: Тип. и лит. Шкляевой, 1908. 110 с.

- в период с 1860 по 1870 гг., - В.В. Андреев, И. Бакуревич, Н.В. Вардинов, А. Вескинский, А.Л. Гренков, И.М. Добротворский, Г.В. Есипов, П.С. казанский, В. Кельсиев, Д.Е. Кожанчиков, Н.С. Лесков, П. Любопытный, П.И. Мельников, С.В. Михайловский, К.И. Невоструев, К.Н. Николаев, «М. С-кий» (настоящее имя не известно), В.С. Толстой, Л.П. Шпановский;

- в период с 1870 по 1880 гг., - Ф.М. Антонов, В.Н. Витевский, Д. Дионисьев, И. Жданов, Н.В. Калачов, В.Е. Кожевников, И.Н. Лапотников, Ф.В. Ливанов, Н.И. Надеждин, В. Попов;

- в период с 1880 по 1890 гг., - В.А. Абаза, И. Александров, М.К. Борисов, Г. Воробьев, А. Гейден, Н. Гибеннет, Д.Н. Дубакин, «Е.Р.» (настоящее имя не известно), В.С. Иконников, Н.Ф. Каптерев, В.М. Карлович, Н.О. Лосский, В.Н. Майнов, И.Ф. Никольский, Н.И. Петров, А.Ф. Петрушевский, И.Ф. Пешехонов, Н.С. Суворов, А.А. Титов, И.И. Каблиц (псевдоним – Ю. Юзов);

- в период с 1890 по 1900 гг., - Е.А. Антонов, С.А. Архангелов, С.Д. Беликов, А.К. Бороздин, И. Бриллиантов, А.А. Быков, Н. Виноградский, С. Воробьев, Е. Голубинский, Г.П. Добротин, В.Г. Дружинин, Н.Н. Животов, А. Зыков, «И.З.» (настоящее имя не известно), М.И. Лилеев, П.И. Мартынов, Д.Л. Мордовцев, И.А. Морозов, В.А. Мякотин, В. Одначев, С.Ф. Рыскин, Д.И. Сапожников, Н.Ф. Сергиевский, Д.В. Чичинадзе;

- в период с 1900 по 1910 гг., - И.С. Абрамов, В. Андерсон, В. Бочкарев, Н.П. Гиляров-Платонов, Д. Зеленин, А.А. Кизеветтер, А.Ф. Леопольдов, С.П. Мельгунов, Э. Мухин, С.Д. Мышецкий, Н.Е. Ончуков, К.А. Попов, А.С. Пругавин, Т.С. Рождественский, С. Шлеев, И. Спиридонович, И. Тихомиров, В.И. Яцкевич;

- в период с 1910 по 1917 гг., - Л.Я. Барсков, П. Бунин, Д.С. Варакин, М.Н. Васильевский, А. Введенский, М.Н. Виноградов, Е.В. Воздвиженская, А. Вшивцев, Н.Г. Высоцкий, В. Гордлевский, М.И. Звездинский, И.А. Кириллов, Н.Д. Кузнецов, А. Лихачев, В.Е. Макаров, Н. Никольский, Ф.М. Гусяков, Д.В. Философов.

В итоге, в данную группу входит, как минимум, 114 опубликованных работ дореволюционных светских исследователей, либо исследователей, принадлежащих к иным конфессиям, число работ которых составляло незначительное количество. Причем, если в конце XVIII – первой половине XIX вв., максимальная публикационная активность светских авторов по истории церковного раскола доходила до одной работы за десятилетие, что прослеживается в период с 1840 по 1850 гг. То во второй половине XIX – начале XX вв., максимальная публикационная активность светских авторов по истории церковного раскола доходила до двадцати четырех работ за десятилетие, что прослеживается в период с 1890 по 1900 гг.

В качестве примеров опубликованных работ из данной группы представляется возможным привести работы таких исследователей, как Н.В. Варадинов⁵⁷, Г.В. Есипов⁵⁸, Ф.В. Ливанов⁵⁹, И.П. Липранди⁶⁰, П. Любопытный⁶¹, П.И.

---

⁵⁷ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1863. 663 с.

⁵⁸ Есипов Г.В. Люди старого века. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1880. 445 с.

⁵⁹ Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1868. Т. 1. 459 с.

⁶⁰ Липранди И.П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 77 с.

⁶¹ Любопытный П.О. Каталог или библиотека староверческой церкви. Саратов: Старообряд. тип. "Сотрудник шк.", 1914. 186 с.

Мельников⁶², Н.И. Надеждин⁶³, К.Н. Николаев⁶⁴, О.М. Новицкий⁶⁵, А.С. Пругавин⁶⁶, В.И. Кельсиев⁶⁷, И.Ф. Филиппов⁶⁸, В.А. Абаза⁶⁹, И. Александров⁷⁰, М.К. Борисов⁷¹, Г. Воробьев⁷², А. Гейден⁷³, Н. Гиббенет⁷⁴, Д.Н. Дубакин⁷⁵, В.С. Иконников⁷⁶, Н.Ф. Каптерев⁷⁷, В.М. Карлович⁷⁸, Н.О. Лосский⁷⁹, В.Н. Майнов⁸⁰,

---

⁶² Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. Ч. 1. 290 с.

⁶³ Надеждин К.Ф. Споры беспоповцев Преображенского кладбища и Покровской часовни о браке. СПб.: Печатня В. Головина, 1865. 75 с.

⁶⁴ Николаев К.Н. Очерк истории поповщины с 1846 года. М.: Унив. тип., 1865. 138 с.

⁶⁵ Новицкий О.М. Духоборцы: их история и вероучение. Киев: Унив. тип. (И. Завадского), 1882. 282 с.

⁶⁶ Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. 283 с.

⁶⁷ Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner & Co, 1860. Вып. 1. 224 с.

⁶⁸ Филиппов И.Ф. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1862. 480 с.

⁶⁹ Абаза В.А. История России: Нар. изд. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1886. 93 с.

⁷⁰ Александров И. Крестьянина Ивана Александрова разговоры о вере с наставником Спасова согласия Аввакумом Онисимовым и наставниками других согласий. М.: Братство св. Петра митр., 1882. 67 с.

⁷¹ Борисов М.К. Письмо ко лже-епископу неокружников - Иову от родного его. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, ценз. 1890. 16 с.

⁷² Воробьев Г.А. О Московском соборе 1681-1682 года. СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1885. 158 с.

⁷³ Гейден А.Ф. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. 71 с.

⁷⁴ Гиббенет Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1882. 586 с.

⁷⁵ Дубакин Д.Н. Обращение иргизских раскольнических монастырей в единоверие. Самара: Земск. тип., 1883. 161 с.

⁷⁶ Иконников В.С. Новые материалы и труды о патриархе Никоне. - Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1888. 76 с.

⁷⁷ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в делах исправления церковных обрядов. Вып. 1. Время патриаршества Иосифа. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1887. 175 с.

⁷⁸ Карлович В.М. Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. М.: тип. А. Малюкова и К°, 1881. 425 с.

⁷⁹ Лосский Н.О. Рассмотрение деятельности духовенства в отношении к расколу // Христианское чтение. 1887. № 9-10. С. 467-476.

⁸⁰ Майнов В. Живые покойники // Исторический вестник. 1881. Т. 6. С. 747-772.

Н.И. Петров⁸¹, А.Ф. Петрушевский⁸², И.Ф. Пешехонов⁸³, Н.С. Суворов⁸⁴, А.А. Титов⁸⁵, М.И. Лилеев⁸⁶ и др.

Непосредственно к третьей группе – опубликованные дореволюционные работы иностранных исследователей истории старообрядчества, попадает следующее количество опубликованных работ:

- в период с 1840 по 1850 гг., – 1;
- в период с 1880 по 1890 гг., –1;
- в период с 1900 по 1910 гг., –1.

В итоге, в данную группу входит, как минимум, 3 иностранных исследователя⁸⁷. Причем, если в конце XVIII – первой половине XIX вв., публикационная активность иностранных авторов по истории церковного раскола была крайне мала. То во второй половине XIX – начале XX вв., максимальная публикационная активность иностранных авторов по истории церковного раскола доходила до двух работ за три десятилетия, что прослеживается в период с 1880 по 1910 гг.

В целом, суммируя полученные данные, представляется возможным говорить о том, что историография дореволюционного исследования истории раскола включала, как минимум 221 опубликованное на сегодняшний день исследование.

---

⁸¹ Петров Н.И. Дело о московских старообрядцах // Русский вестник. 1881. №12. С. 641-710.

⁸² Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. М.: кн. маг. В.В. Думнова под фирмою насл. бр. Салаевых, 1888. 360 с.

⁸³ Пешехонов И.Ф. Ответы И.Ф. Пешехонова на вопросы. М.: Братство св. Петра митрополита, 1888. 344 с.

⁸⁴ Суворов Н.С. О происхождении и развитии русского раскола. Ярославль: тип. Г. Фальк, 1886. 66 с.

⁸⁵ Титов А.А. Дневные дозорные записи о московских раскольниках. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1885-1892. 251 с.

⁸⁶ Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII- XVIII вв. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. 652 с.

⁸⁷ Gehring J. Die Sektender Russischen Kirche, (1003–1897): Nach Ihrem Ursprunge und Inneren Zusammenhange. Leipzig, 1898. 240 p.; Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. 335 p.; Гакстгаузен А. фон. Закавказский край: заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. 336 с.

Отдельно следует отметить, что в дореволюционной России тема истории старообрядчества нашла свое отражение в официальных справочных изданиях, а также как в светской, так и в православной периодической литературе.

Так, например, такое официальное дореволюционное справочное издание, как «Полное собрание законов Российской Империи»⁸⁸ представляет собой обильный материал для изучения истории раскола. В данном сборнике были опубликованы «Постановления Министерства Внутренних Дел и св. Синода по расколу» за 1858 и 1860 г. Они были изданы правительством преимущественно для административных целей и оставались нераспространенными в широких кругах. Нельзя сказать, чтобы эти книги представляли очень обильный материал для истории раскола, но как дополнение к «Полному Собранию Законов», куда не вошла значительная часть правительственных распоряжений по расколу, они имеют свое значение. Этим собранием правительственных актов обильно пользовались такие исследователи, как Н.В. Варадинов в своих изысканиях по истории раскола и П.И. Мельников. Но в целом эти собрания документов представляли не всем и не совсем доступный источник.

Более доступным светским дореволюционным изданием справочного характера, в котором нашла свое отражение проблематика истории раскола является «Энциклопедический лексикон». Данный труд был издан русскими учеными и литераторами в 1835–1861 годах⁸⁹. В нем присутствовали такие статьи, как «Аввакум», «Андрей Иоаннов Журавлев», «Екатеринбургские раскольники», описывающие разные моменты истории русского раскола.

В качестве примера светской периодической литературы представляется возможным привести дореволюционный журнал «Русский архив», издававшийся при Чертковской библиотеке. В его номерах за разные годы содержалось несколько статей и документов по расколу в XVII в., и при Петре I. Они

---

⁸⁸ Полное собрание законов Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 16.10.2018).

⁸⁹ Энциклопедический лексикон. СПб.: Типография А.А. Плюшара, 1835. Т. 1. 582 с.

представляли некоторые необнародованные до того времени документы о времени, совпадающем с началом единоверия. А заметки «О странниках», опубликованные в данном журнале сообщали интересные факты о расколе в XIX столетии.

Равно как и в светской периодической литературе, тема истории раскола нашла свое отражение и в дореволюционных православных журналах. Так, например, журнал «Православный собеседник», издававшийся в Казани, размещал на своих страницах не мало статей по расколу. Вторым примером дореволюционной православной периодики, в которой нашла отражение тема истории раскола, является журнал «Православное обозрение». Из всех духовных журналов этот едва ли не настойчивее других подвергал исследованию вопросы из истории раскола и в таком духе, который не допускал размыванию предмета исследования и создания вокруг него безосновательной полемики.

В качестве следующего примера дореволюционной православной периодической литературы, содержащей исторические сведения о русском расколе, необходимо привести журнал «Христианское чтение»⁹⁰. Этот журнал издававшийся при петербургской духовной академии, представил начиная с шестидесятых годов XIX в.,—когда вообще историческая литература раскола стала быстро обогащаться благодаря отечественной духовной журналистике, вдруг заявившей себя достойными исследовательского внимания статьями,—целый ряд исследований по истории раскола. Особенно частое в номерах данного журнала публиковались статьи профессора петербургской духовной академии И.Ф. Нильского. Отдавая дань начитанности и эрудиции И.Ф. Нильского, трудно согласиться со многими из его опубликованных положений. Так, например, он дошел до того, что в одной из своих статей приписал Никону незлобность голубя, заметив, что этому иерарху недоставало только «мудрости змеи». Это было уже вопреки всем свидетельствам истории, которая хотя и не видит в Никоне «мудрости змеи», но за то видит другие, вовсе нелестные, качества и

---

⁹⁰ Аркадий (Федоров), архиеп. Олонецкий и Петрозаводский. Послание к поповцам // Христианское чтение. СПб.: 1889. № 9–10. С. 390–397.

уже никак не заставляет предполагать в этом жестокосердом, мстительном и корыстном честолюбце «незлобivosti голубя».

Подводя итог, необходимо отметить, что, проанализировав светские и конфессиональные подходы к исследованию феномена старообрядчества в дореволюционной России, представляется возможным говорить о том, что проблема осмысления феномена старообрядчества нашла отражение в работах как отечественных, так и западных исследователей. Причем, подавляющее большинство дореволюционных трудов по данной тематике представлено именно отечественными авторами. То есть из 221 опубликованной дореволюционной работы по теме феномена старообрядчества 218 отечественные и 3 зарубежные. Соответственно наиболее просто определить подходы зарубежных авторов, а именно, два автора являются представителями светской научной мысли, а третий – конфессиональной.

1.2. Анализ методологических подходов к исследованию генезиса и эволюции старообрядчества в дореволюционной научно–богословской мысли

Православную полемику против раскола в рассматриваемый период времени можно характеризовать двумя особенностями: а) она достигла широких размеров по количеству отдельных сочинений и б) получила научный характер, как в отношении постановки частных вопросов, так и в смысле создания целой системы предмета исследования.

Высокопреосвященный Аркадий (архиеп. Олонецкий) оставил благодарную память о себе. Его исследовательско–литературная деятельность была обширна и плодотворна. В необходимости вести борьбу с расколом на научной почве он убедился самым опытом, когда стал лицом к лицу с расколом. Одна за другой возникали у него в голове мысли о составлении «Обличительного богословия против раскола», «Краткой истории русской Церкви против раскола», «Истории «богослужбных книг против раскола». В осуществлении

этих мыслей он старался заинтересовать митрополитов Петербургского Серафима и Московского Филарета, деятельно собирал материалы, составлял программы. Но ни одному из этих широких научных предприятий, к сожалению, не суждено было осуществиться, потому что у него самого не хватало времени и самоуверенности, а те лица, на которых возлагалось их осуществление, оказывались своими способностями ниже поставленной задачи. Поэтому с большей энергией преосвященный Аркадий занимался составлением небольших трактатов, то в диалогической, то в монологической форме, в которых кратко и ясно разрешались главнейшие возражения раскольников против Церкви. Успех этих маленьких трактатов, которые Аркадий называл скромным именем тетрадок, превзошел ожидания автора. Они оказались весьма практичными и Св. Синод рекомендовал их преосвященным других епархий. Только уже в наше время некоторые из сочинений архиепископа Аркадия увидели свет, например, «Нечто о расколе»⁹¹.

В 1854 году была издана книга митрополита Новгородского, Санкт–Петербургского, Эстляндского и Финляндского Григория(Постникова) – «Истинно древняя истинно Православная Христова церковь»⁹², в двух частях. Она представляла собой полную систему полемики и апологетики применительно к расколу. С выходом данного исследования в свет возникла наука противораскольнической полемики.

Сочинение выходца из раскольничьей семьи, активного дореволюционного православного церковного деятеля и полемиста Адриана Озерского носит такое название: «Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг»⁹³. Этот труд был разделен его автором на две части. В первой содержатся выписки по вопросам догматическим, во второй – по вопросам обрядовым. По

---

⁹¹ Аркадий (Федоров), архиеп. Олонецкий и Петрозаводский. Послание к поповцам // Христианское чтение. СПб.: 1889. № 9–10. С. 390–397.

⁹² Григорий (Постников), митр. Истинно древняя и истинно Православная Христова церковь. СПб.: В тип. Григория Трусова, 1856. Ч. 1. 363 с.

⁹³ Озерский А.И. Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг, свидетельствующих о святости соборной и апостольской церкви и о необходимости покоряться ее уставам, для достижения спасения. М.: Университетская типография, 1862. 366 с.

обилию собранного материала «Выписки», для каждого православного миссионера, занимающегося в то время полемикой с расколом, являлись своеобразной настольной книгой, тем более, что большинство подлинных книг, из которых были заимствованы «Выписки», существовали лишь в знаменитых книгохранилищах, иногда в единственном экземпляре, но с другой стороны, «Выписки» давали не обработанную систему, а только материал с небольшой его систематизацией.

Одним из главных дореволюционных трудов по истории русского старообрядчества является труд, в то время архимандрита Макария (Булгакова) «История русского раскола»⁹⁴. В данном труде автор подробно излагает фактическую сторону истории раскола. Как духовный писатель, он естественно впадал иногда в тон обличительный, но обличение его было серьезным, объективным и не отзывалось личным раздражением. Если автор и изменял себе в этом отношении, например, говоря о «беспоповщине», то это были редкие исключения. Обилие фактов придавало этому сочинению значение именно в историческом отношении, так как тон сочинения и в особенности навеянное христианской терпимостью заключение, делало сочинение архимандрита Макария духовной книгой, более полезной в сношениях с расколом, чем резкие обличения предшествовавших архимандриту Макарию исследователей раскола. Однако историк может найти в этом труде недостатки, особенно в области критической разработки событий XVI в., но непосредственно духовный мыслитель увидит в труде архимандрита Макария основания того духа примирения, который впоследствии, при более благоприятных обстоятельствах, принес счастливые плоды для историко–богословских исследований старообрядчества.

В свою очередь, за магистром Казанской духовной академии А.П. Шаповым остается честь первопроходца на пути философского изучения русского раскола. Он не касается мелочей и подробностей, за которыми так гонятся дру-

---

⁹⁴ Макарий (Булгаков), митр. Московский. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб.: Типо–лит. Р. Голике, 1889. 404 с.

гие историки раскола, как будто только в них основные причины раскола. Другие дореволюционные исследователи имели в виду преимущественно религиозно–обрядовую сторону раскола, а А.П. Шапов историко–критическую. Что другим дореволюционным исследователям раскола казалось сущностью дела, в том он видел лозунг, один внешний символ. Многие из дореволюционных сочинений по расколу могли быть по справедливости относимы к отделу богословия, а сочинения А.П. Шапова могут быть отнесены только к области конкретно исторических исследований. Самое заглавие его работы «Земство и раскол»⁹⁵ показывает, что А.П. Шапов стоял на верном пути в оценке отношений земских преданий к расколу. В книге «Русский раскол старообрядства», опубликованной в 1859, автор проливает свет на значение обычаев и суеверий у разнообразных масс русского населения в происхождении разных согласий и толков раскола⁹⁶.

Следующим православным дореволюционным исследователем, внесшим большой вклад в методологию изучения раскола, является сын православного священника Н.И. Субботин тайный советник, профессор Московской духовной академии, занимавшийся вопросами истории Русской Православной Церкви. В качестве примера его трудов по истории раскола представляется возможным рассмотреть две его работы, а именно, «Современные движения в расколе»⁹⁷ и «О сущности и значении раскола в России»⁹⁸. Непосредственно работа «Современные движения в расколе» собственного исторического значения почти не имеет. В ней описывались современные автору происшествия, часто мелочные дрязги, что имело «журнальный интерес» для последователей раскола, но на эту работу почти нельзя указать как на материал исторического исследования⁹⁹.

---

⁹⁵ Шапов А.П. Земство и раскол. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1862. Т. 1. 165 с.

⁹⁶ Шапов А.П. Русский раскол старообрядства. Казань: Иван Дубровин, 1859. 547 с.

⁹⁷ Субботин Н.И. Современные движения в расколе. М.: В Унив. тип. (Катков и К°), 1866. 88 с.

⁹⁸ Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синод. тип., 1892. 47 с.

⁹⁹ Субботин Н.И. Современные движения в расколе. М.: В Унив. тип. (Катков и К°), 1866. 88 с.

Но на сегодняшний день анализируемая работа Н.И. Субботина представляет интерес для современных историков раскола, так как содержит фактологическую информацию по истории старообрядчества.

В второй работе «О сущности и значении раскола в России» Н.И. Субботин трактует информацию по истории раскола так, чтобы доказать, как в действительности произошел раскол, что никакие усилия врагов России ничего не могли сделать с русским расколом и раскол никогда не являлся орудием в их руках¹⁰⁰. В целом можно сказать что работы Н.И. Субботина служат достаточно полным изложением, этого исторического явления, с фактической стороны очень полезны и интересны.

Одним из ранних православным исследователем истории раскола, про которого хотелось бы упомянуть в нашей работе, является бывший старообрядец поморского обряда Харитоний Яковлев, перешедший в Православие под именем Григорий, впоследствии ставший архимандритом Гермогеном. Григорий Яковлев в 1748 году издал работу «Извещение праведное о расколе беспоповщины»¹⁰¹. Непосредственно его обращение из раскола в Православие и его «Извещение» показывают в авторе большого знатока внутреннего устройства раскола и его различных толков. Он был одним из первых исследователей, кто сообщил интересные сведения о подразделении раскола на толки и особенно об основателе «федосеевщины».

Одним дореволюционным исследователем из православной среды был профессор Казанской духовной академии И.М. Добротворский. Его работа «Русский раскол в его отношении к церкви и правительству»¹⁰² представляет из себя весьма интересную работу. Автор богато снабдил ее фактами и умело

---

¹⁰⁰ Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синод. тип., 1892. 47 с.

¹⁰¹ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. 169 с.

¹⁰² Добротворский И.М. Русский раскол в его отношении к Церкви и правительству // Православный собеседник. 1862. Т. 7. С. 364–392.

воспользоваться ими. Замечательно в особенности то, что это сочинение, написанное по приемам светского писателя, появилось в то время, когда, вообще говоря, наша духовная исследовательская литература далеко не всегда придерживалась беспристрастия и объективности в изложении, а также умеренности и сдержанности в словах.

Кроме рассмотренных дореволюционных православных авторов, необходимо рассмотреть исследовательскую деятельность по истории русского раскола Н.И. Барсова, отраженную его работе «Русский простонародный мистицизм». В данной работе, Н.И. Барсов приводит ряд интересных фактов, к сожалению, излагает их достаточно сухим языком.¹⁰³ Очень много места в данном исследовании посвящено решению второстепенного вопроса, точно ли вожди раскола братья Денисовы были княжеского рода или нет, хотя уже во время написания работы, отечественным историкам было известно, что положительный ответ на этот вопрос не подлежит сомнению, да и сам этот вопрос не имел особого значения для истории старообрядчества.

В то время как шла разработка науки о расколе в духовной литературе, на него обратили внимание и светские литераторы. Это явление могло бы быть предметом благодарной памяти, если бы дело не получило ложного направления. К сожалению, случилось именно так. Был высказан такой взгляд на раскол, который сыграл отрицательную роль. Прежде видели в расколе явление церковное, соответственно с этим решали вопрос и о мерах борьбы с расколом. Теперь признав в расколе явление и гражданское, решили, что вопрос о мерах борьбы с расколом должен был получить иное решение.

Осознав необходимость непосредственного изучения раскола, правительство разослало чиновников для изучения главных раскольничьих центров, для наведения справок на месте. Особенно тщательному изучению подверглись губернии Ярославская, Костромская и Нижегородская. Но как поступали пра-

---

¹⁰³ Барсов Н.И. Русский простонародный мистицизм. СПб.: Типография департамента уделов, 1869. 70 с.

вительственные исследователи раскола? Они направили всю свою деятельность на запугивание правительства опасными свойствами и якобы враждебным к власти настроением раскола.

Одним из наиболее информированных светских дореволюционных исследователей старообрядчества являлся административный исследователь раскола И.П. Липранди. Следует отметить, что этот автор нескольких работ о русском расколе. Основным полем своей деятельности он первоначально избрал военную историю, так как являлся генералом русской армии. Но, став деятелем тайной полиции, И.П. Липранди переключил свое исследовательское внимание на изучение религиозной деструкции, к числу которой относилось и старообрядчество того времени. Так, например, в своей работе «Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении»¹⁰⁴, он пишет, как человек близко знакомый с делами о расколе. Своей фактической стороной его книга, описывающая события дореволюционной жизни старообрядцев, имеет интерес для современных историков.

Более того в своем «Мнении»¹⁰⁵, представленном правительству, И.П. Липранди старается придать расколу еще более опасное значение в глазах правительства, чем это предполагалось ранее. Автор, по-видимому, ставил своей целью доказать необходимость учреждения особого ведомства, которое бы занималось борьбой с расколом. Но записка И.П. Липранди не могла никого уверить, потому что заключала в себе явные противоречия. Так, например, в одном месте записки мы читаем: «Известна необыкновенная простота нашего народа, нет нелепости, которая бы не нашла к нему доступа. Нет глупости, в которой

---

¹⁰⁴ Липранди И.П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 77 с.

¹⁰⁵ Липранди И.П. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. Т. 6. № 7. С. 70-86.

бы нельзя было его убедить»¹⁰⁶. Если под словом «наш» разумеется русский народ, то разубеждать И.П. Липранди не нужно, потому что он сам разубеждает себя. Так, говоря о «беспоповцах», он сравнивает внутреннее устройство их общин с республиканским устройством Швейцарии и Соединенных Штатов. Но ведь беспоповцы были по большей части представители нашего крестьянства и сам И.П. Липранди приводит данные, что их насчитывали до 5 миллионов¹⁰⁷. Словом, противоречие очевидно и подвывает вообще веру в знание автором своего народа, а не узнав его нельзя узнать и причин раскола, и приходится приравнивать явления в расколе к западноевропейской мерке, которая довела нашего автора до того, что он во взаимном «вспоможении членов беспоповской общины» видит «социализм и коммунизм». Это уже было достаточно смелым утверждением для дореволюционного исследования и побивало даже открытие того же автора, что славянофильство есть беспоповское учение и сожаление его, что книги и иконы, которые отбирались у раскольников, не сохранились.

Также, И.П. Липранди «открыл», что беспоповщина была «конфедеративно–религиозной республикой». Он нашел что есть согласие, не признающее «ни царя, ни князя»¹⁰⁸. Особенно его смущали славянофилы потому, что он никак не знал, отнести их к поповцам или к беспоповцам. Наконец он решил, что они более подходят беспоповцам. Свое причисление славянофилов к расколу И.П. Липранди основывал на том, что со славянофилами имели знакомство поповец Царский и беспоповцы Гучковы. Основание, как видим, совершенно достаточное, но с другой стороны и ставящее в недоумение, знакомы с славяно-

---

¹⁰⁶Липранди И.П. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. Т. 6. № 7. С. 74.

¹⁰⁷Липранди И.П. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. Т. 6. № 7. С. 76.

¹⁰⁸Липранди И.П. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. Т. 6. № 7. С. 77.

филами поповец и беспоповцы— к какому же согласию отнести самих славянофилов? Идя далее в этом направлении можно было открыть в Москве такие согласия как «аксаковщину», «хомяковщину», «киреевщину», но далее И.П. Липранди не пошел.

Следующим дореволюционным светским исследователем истории раскола был правовед, доктор философских наук, сотрудник Министерства внутренних дел Н.В. Варадинов. Его VIII том «Истории Министерства Внутренних Дел»¹⁰⁹ посвящен исключительно расколу. Автор кропотливый собиратель материала, но ни выводов, ни личных взглядов у него не обнаруживается. В суждениях он очень осторожен и нередко вместо полного имени ставит одну начальную букву, тогда как нет видимых причин не быть более откровенным. Н.В. Варадинов в своем труде по расколу уделяет очень большое внимание статистическим данным о расколе, которые, к сожалению, даже дореволюционным научным сообществом были признаны совершенно незаслуживающими доверия, так как они многократно уменьшали число раскольников. Соответственно, по времени составления труда, когда еще масса сочинений о расколе не появилась в печати, он не мог представить заслуживающих абсолютного доверия фактов по истории раскола. Но некоторые сектантские документы, помещенные в его книге целиком, придают ей значение, как сборнику исторического материала. Более того, Н.В. Варадинов, в своем довольно тщательно составленном перечне сочинений по расколу, упоминает 104 сочинения, из которых далеко не все могут представлять собой исторический материал, но так или иначе относящиеся к расколу. Подводя итог вышеизложенному, можно сказать что несмотря на недостатки, на официальность и сухость изложения, труд Н.В. Варадинова заслуживает внимания современных исследователей раскола.

Еще одним дореволюционным сотрудником Министерства внутренних дел, исследующим историю раскола, был Ф.В. Ливанов. Его двухтомный труд

---

¹⁰⁹ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1863. 663 с.

«Раскольники и острожники»¹¹⁰ можно назвать сборником рассказов, содержание которых отчасти извлечено из официальных документов. В распоряжении автора была масса дел о раскольниках, накопившаяся в правительственных местах. Поэтому фактов много и, на первый взгляд, его книги достаточно информативные. Но в сущности дело нередко идет о мелочных эпизодах, не имеющих исторического характера. О духе сочинения можно сказать только, что если бы на книге не стояло имя Ф.В. Ливанова, как автора, то можно было бы подумать, что этот сборник составлен несколькими лицами, не имеющими между собой ничего общего ни во взглядах, ни в убеждениях. Некоторые статьи книги написаны с теплотой и обнаруживают гуманный авторский взгляд на объект исследования. Другие статьи, очевидно, составлены под влиянием раздраженного чувства и без соблюдения объективности и беспристрастности, а иногда непосредственно переходят на личности и имеют очень мало общего с литературными приемами. Во втором томе «Раскольников и острожников»¹¹¹ эта разношерстность достигает своего апогея, и многие главы этого тома вовсе не подлежат суду литературной критики и еще менее имеют отношение к истории раскола.

Не обошел своим вниманием тему истории русского раскола и дореволюционный светский исследователь, фактически, главный архивариус России Г.В. Есипов. В своей работе «Раскольничьи дела XVIII столетия», касаясь усиления раскола в начале XVIII столетия, благодаря введению брандобрития и немецкого платья, автор так характеризует петровскую реформу: «Она должна создать неминуемо два класса людей, одних из страха и из интереса обманывающих, других – негодующих, враждующих. Первые неминуемо безнравственны, вторые опасны»¹¹². Эти слова показывают, что автор–теоретик, а

---

¹¹⁰ Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1868. Т. 1. 459 с.

¹¹¹ Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1872. Т. 2. 620 с.

¹¹² Есипов Г.В. Люди старого века. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1880. С. 137.

между тем в его сочинении менее всего теоретического и исторических взглядов. В них эпизоды, извлеченные значительной частью из дел тайной канцелярии и, пожалуй, они интересны в беллетристическом, но очень немного в историческом отношении.

Непосредственно дореволюционным старообрядческим исследователем истории раскола был Павел Ануфриев, взявший псевдоним Любопытного. Который был петербургским мещанином, принадлежавшим к поморскому согласию старообрядчества. Данный дореволюционный исследователь истории старообрядчества был преимущественно известен своим сочинением «Каталог или библиотека староверческой церкви»¹¹³. Хотя сам себя он причислял к ряду перечисляемых им староверческих писателей, упоминает массу сочинений, написанных им, не упуская случая указывать на их большое достоинство, но к сожалению, он принадлежит к немалому числу учителей раскола, которые, благодаря раболепству и преклонению пред ними их последователей, впадали в самохвальство и тем бросали тень на свои иногда действительно замечательные достоинства. В своем сочинении, где автор проводит анализ публикационной активности староверческих писателей, нашел место и старообрядческий монах Иван (Венедикт) Васильев, критически описывавший митрополита Платона и православных, молившихся с ним в Успенском соборе¹¹⁴. Далее в произведении П. Любопытного упоминаются и негативные отзывы на счет отношений раскольников к действиям московской полиции. Вообще слог Павла Любопытного был удивительно однообразен и его отзывы иногда почти тождественны в своей оценке официальной религии и власти. В целом его изложение материала по расколу было написано довольно правильным, литературным языком. Так могут писать люди много читавшие, но не получившие основательного образования.

---

¹¹³Любопытный П.О. Каталог или библиотека староверческой церкви. Саратов: Старообряд. тип. "Сотрудник шк.", 1914. 186 с.

¹¹⁴Любопытный П.О. Каталог или библиотека староверческой церкви. Саратов: Старообряд. тип. "Сотрудник шк.", 1914. С. 87.

На особом месте, от дореволюционной светской и православной исследовательской исторической мысли по истории раскола стоит официальное справочное издание «Полное собрание законов Российской Империи».¹¹⁵ Нет сомнения, что этот материал был на тот момент исчерпывающим, но дореволюционные исследователи, пользовавшиеся им, смотрели на дело не всегда беспристрастно, пользовались не всем, что представляет материал, и потому основываться на них не всегда можно, а необходима проверка самого материала.

Таким образом, характеризуя отечественные дореволюционные подходы к исследованию феномена старообрядчества, необходимо отметить, что в рассматриваемый период времени в России исследованием феномена старообрядчества занимались представители Русской Православной Церкви, светской науки, органов государственной власти, правоохранительных органов, а также непосредственно представители старообрядчества. Из них наибольший вклад в процесс осмысления феномена старообрядчества внесли представители Русской Православной Церкви и органов государственной власти.

Кроме того, проведя анализ методологии исследования генезиса и эволюции старообрядчества в дореволюционной научно–богословской мысли, необходимо отметить, что наиболее выраженная и практическая методология изучения русского раскола отражена в работах архиепископа Аркадия (Олонецкого), митрополита Новгородского, Санкт–Петербургского, Эстляндского и Финляндского Григория (Постникова), Адриана Озерского, митрополита Макария (Булгакова), А.П. Щапова, Н.И. Субботина, Г. Яковлева, И.М. Добро-творского, Н.И. Барсова, И.П. Липранди, Н.В. Варадинова, Ф.В. Ливанова, П. Любопытного. При этом стоит отметить, что не всегда дореволюционные исследования являлись образцами и основами дальнейших научных изысканий. Например, работа П. Любопытного имела весьма примитивный характер без рассмотрения эволюции старообрядчества.

---

¹¹⁵Полное собрание законов Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 16.10.2018).

II. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗЗРЕНИЙ НА ИСТОРИЮ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ЗАПАДНОМ И РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ НАУЧНО–БОГОСЛОВСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Развитие воззрений на историю старообрядчества в отечественной дореволюционной научно–богословской мысли

Процесс осмысления отечественной духовной деструкции, как сектантства, так и старообрядчества берет свое начало задолго до дореволюционного периода истории российского государства. Непосредственно научно-правовая база в осмыслении «раскола» и «сектантства» насчитывает в себе множество теоретических и практических трудов, написанных еще в начале XVI в. Например, одним из самых ярких законодательных актов, который ограничивал сектантскую деятельность в Российской империи, был, введенный еще при царствовании Алексея Михайловича Романова, правовой акт который «Русское законодательство о евреях»¹¹⁶ позволял употреблять такие слова, как «жид» и «бусурманин», которые являются уничижительными в настоящее время. Однако в 1654 году царь Алексей Михайлович велел гнать «жидов» из Могилева: «А жидам в Могилеве не быть и жития им никакого не иметь»¹¹⁷. А «жидовские дворы отнимать» в пользу государства¹¹⁸. И данное действие не воспринималось агрессивно и деструктивно по отношению к иноверным жителям и поданным царской России. В дальнейшем, одним из документов, в котором официально «жидов» называют «жидами», например, являлся указ Анны Иоанновны о «Высылке Жидов из Малой России» за 1740 г.

---

¹¹⁶ Сборник законоположений, разъяснений Правительствующего сената, циркуляров и других правительственных распоряжений о евреях. СПб.: типо-лит. С. Муллера и Богельмана, 1886. С. 56.

¹¹⁷ Чичинадзе Д.В. Сборник законов о расколе и сектантах, разъясненных решениями Правительствующего сената и Святейшего синода. СПб.: тип. Д.В. Чичинадзе, 1899. С. 77.

¹¹⁸ Сборник законоположений, разъяснений Правительствующего сената, циркуляров и других правительственных распоряжений о евреях. СПб.: типо-лит. С. Муллера и Богельмана, 1886. С. 59.

Однако, еще в XVI в. Иосиф Волоцкий в своей работе «Просветитель», упоминал ересь стригольников. Иосиф Волоцкий писал о происхождение этой ереси следующее: «Так, был некий человек, исполненный гнусных и скверных дел, по имени Карп, по ремеслу стригольник, живший во Пскове. Он, окаянный, стал родоначальником скверной и мерзкой ереси»¹¹⁹.

О дальнейшем развитие самой ереси, Иосиф Волоцкий констатировал тот факт, что «как известно, многие из православных христиан, слабые и неразумные, были последователями этой ереси, пока архиепископ Дионисий Суздальский не отправился по поводу ее в Константинополь и не принес послание от Вселенского патриарха Антония во Псков, к посадникам, чтобы они позаботились о православии и уничтожили еретиков. Посадники проявили большое усердие в уничтожении ереси и просили благочестивых князей, святителей и воевод помочь в уничтожении еретиков. Ересь удалось уничтожить лишь тогда, когда посадники, по совету благочестивых князей и святителей, и иных именитых христиан, велели схватить стригольников и не оставили ни одного, но всех заточили в темницу, до самой смерти их. Таким образом, удалось искоренить и уничтожить эту соблазнительную ересь»¹²⁰.

Однако эта ересь не прекратила свое существование, и некоторые элементы учения стригольников нашли свое отражение в учении ереси «жидовствующих», которые также встречаются в документах МВД Российской империи и «Первой Всероссийской переписи населения»¹²¹. Следовательно, данный пример показывает, что ересь стригольников не удалось уничтожить, а напротив – она ушла в подполье, действовала тайно и развивалась во всех регионах России, сохраняя своих последователей даже в XIX в.

---

¹¹⁹ Волоцкий И. Просветитель. М.: Спасо-Преображен. Валаам. монастырь, 1993. С. 220.

¹²⁰ Волоцкий И. Просветитель. М.: Спасо-Преображен. Валаам. монастырь, 1993. С. 221.

¹²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. С. 188.

Более того, отечественные дореволюционные исследователи духовной деструкции, составляя типологическую характеристику многих сект, одним из весомых факторов считали тот факт, что весьма затруднительно было точно установить определенные критерии для их ересей и сект, так как большинство из них на период исследования еще не сформировались в окончательном виде.

Критерии, по которым можно было разделять народное сектантство в различных его проявлениях, упирались, зачастую, в разнообразные признаки не самих сект или их учений, а в прозелитическую деятельность конкретных лиц, которые распространяли секты и ереси, как это было со стригольниками.

Так, один из дореволюционных исследователей С.В. Булгаков, в своей классификации - в первом разделе, который называется «Расколы, ереси, секты и пр. Краткие сведения о существовавших и существующих расколах, ересь, сектах, новейших рационалистических учениях и пр.» - выделяет подобные «именные» секты и направления старообрядчества, например, аввакумовщина, даниловщина, николаиты, павликиане¹²².

Однако спорным является тот факт, что многие из выделяемых автором ересей и сект зародились еще в VIII – IX вв., нашей эры и действовали до XIX в., но не упоминались ни в статистических данных МВД Российской империи, ни во всеобщей переписи населения.

Отсюда можно сделать вывод, что «именные» секты независимо от того на реальную или же составную личность они опирались, в очередной раз доказывали необходимость иной классификации сектантства согласно типологическим признакам самого учения, а не конкретной их личностной принадлежности.

Подобная классификация как раз зарождается в 1842 г., постановлением «Особого временного комитета по делам раскольников» по согласованию со

---

¹²² Булгаков С.В. Православие. Расколы. Ереси. Секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Западной Церкви. М.: «Современник», 1994. С. 2.

Святейшим Синодом, и включает деление сект на «вреднейшие», «вредные», и «менее вредные».

До этого события в процессе составления методологии, ереси и секты в дореволюционной России не имели конкретной классификации. Религиозное сектантство на протяжении долгого периода разделялось по элементарному признаку, апеллируя к понятиям «раскол», «ересь» или «секта». Помимо этого, в процессе формирования раскола, сам раскол также претерпевал множество изменений в своей классификации.

Одним из первых, кто стал применять типологические характеристики сектантства официально в 1842 г., был министр внутренних дел, который подал запрос в Святейший Синод о том, какие секты наиболее враждебны учению христианской церкви.

Со своей стороны, донесение обер-прокурора содержало подразделение сект на три категории, к которым как раз и относились категории, упоминаемые нами выше, со следующей характеристикой вреднейших сект, к которым относились: иудействующие, молокане, духоборцы, хлыстовщина и скопцы.

Подобная классификация также показывала не разработанность данного вопроса на текущий период времени. Однако эта классификация позволяла проследить некоторые особенности самих сект.

Так, об иудействующих, обер-прокурор писал, что «это хуже, нежели ересь; это совершенное отпадение от христианства и существенная вражда против христианства».

В характеристике молокан было написано, что «хотя, по-видимому, и держатся Священного Писания, но берут из него только то, что им нравится, не признают ни таинств, ни иерархии. Не принимают присяги, никакой власти не признают бого-поставленную; повинуются. Секта разрушительная».

О духоборцах говорилось, что данная секта «сколько известно, одинакового духа с молоканами».

В хлыстовщине обер-прокурор выделял то, что данная ересь «богохульная, потому что, не отвергая наружного общения с христианскою Церковью, вводит человекообожание».

Завершая данный список, скопцы также упоминались как «богохульная ересь, потому что начальника секты почитают Христом. Вредит обществу, осуждая брак, искажая людей и истребляя потомство»¹²³.

Таким образом, данная описательная работа, по сути, является одной из первых официально представленных типологий духовной деструкции в России по признакам опасности ересей и сект. Ее характерной чертой является пример взаимодействия государства и церкви в вопросах обеспечения духовной безопасности, которая уже на тот момент непосредственно проявляется в самой классификации русского религиозного сектантства.

Для такого рода типологической характеристики сектантства, в основу подобной работы должно было входить понимание обособленности, замкнутости узких групп единомышленников в какой-либо области идеологии, в политике, литературе, отделяющихся от основного или господствующего религиозного течения. Но подобные типологические признаки не всегда представлялось возможным выявлять из многих религиозных течений ввиду их скрытности.

Кроме того, в религии сектантство представляло собой организационное и культовое отделение групп верующих, по-своему толкующих традиционные догмы, отвергающих господствующее или наиболее распространенное вероучение и культ своей религии. Секты, приходившие в Российскую империю, до этого встречались во многих мировых религиях, однако особенно много их было в христианстве.

Также не стоит забывать, что само христианство никогда не было единым, и во все времена существовало в виде множества борющихся между собой

---

¹²³ Победоносцев К.П. и его корреспонденты. М.: Гос. изд-во, 1923. - С.220–221.

течений, церковей и сект. Руководители дореволюционных сект наперебой старались отодвинуть время возникновения своих сект как можно дальше вглубь веков.

Прежде всего, этим они пытались завуалировать роль сект, представить дело так, будто появление сект менее всего связано с земными интересами людей: чем дальше вглубь веков, тем труднее установить истину. Во-вторых, руководители сект желали запутать и действительную историю своих организаций, а вместе с тем породниться с ранними сектами, для которых были характерны демократические черты¹²⁴.

Особняком от общего исследования религиозных течений в Российской империи стояла типологическая характеристика сектантства, выраженная в работе Григорьева В.В. – «Еврейские религиозные секты в России»¹²⁵.

В описательной части работы автор говорит о том, что религия, данная Моисеем народу Еврейскому, не сохранилась между последователями ее в первоначальном своем виде, в той чистоте и простоте, в какой заключается и представляется нам в богодухновенных книгах великого Пророка и Законодателя: с течением времени, она подверглась объяснениям, дополнениям, распространениям, а наконец, вследствие примеси чуждых начал, изменениям и искажениям, которые массу некогда избранного народа разделили на многие, более или менее различные между собой, более или менее удаляющиеся от первобытной чистоты учения, исповедания и расколы. Явление это обще всем религиям, и если высокую занимательность представляет изучение его причин, хода и последствий у всех народов и во всех случаях, где оно обнаруживалось, — как по отношению его к феноменологии духа человеческого вообще, так и по влиянию на гражданскую жизнь обществ, — то у народа еврейского тем более: религиозный элемент нигде, как известно, не проникал в общественной и частной

---

¹²⁴Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 69.

¹²⁵Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1847. 220 с.

жизни и не обуславливал ее явлений в такой мере, как у этого народа, созданного и существующего единственно силой своих религиозных верований и установлений¹²⁶.

Таким образом, В.В. Григорьев показывает, что такой элемент, как сам народ с его менталитетом, общим вероисповеданием может породить в себе большое количество непонимания, которое ведет к образованию разнообразных форм сектантства. Следовательно, подобная характерная черта подходит для всех народов мира.

Следовательно, типологическими характеристиками сект занимались многие исследователи в различные эпохи, пытаясь выделить сектантское движение из народа. А в отношении самого российского государства подобная необходимость возникала в большей степени, именно потому, что большая часть евреев расселилась на территории Российской империи. Кроме того, Григорьев В.В., показывает очаги расселения народа, а как следствие – очаги распространения сект на территории России.

Также для Статистического комитета МВД Российской империи данный факт являлся немаловажным, так как в процессе изучения сектантства в светской среде существовали неоднократные попытки выделить отдельные секты, которые являлись синкретическими по отношению к тем религиозным группам, которые существовали на данной территории.

Подобными сектами были, например, караимы, которые в течение многих веков считались евреями. Однако они всегда стремились к обособлению своей общины в рамках иудаизма.

Таким образом, караимы в типологической характеристике религиозного сектантства в России, были отнесены к сектам. Также, данный труд причислял к сектантам талмудистов, каббалистов, шабатай-цвесистов, хассидимов.

Дальнейшая типологическая оценка сектантства в середине XIX в., представляла собой попытки разделять секты по «политическим признакам». Так,

---

¹²⁶ Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1847. С. 3.

чиновники «Комиссии по делам раскольников, скопцов и других сект» при Министерстве внутренних дел И. Липранди и В. Даль в 1855 г., классифицировали «хлыстов, бегунов и скопцов» как политическую часть раскола, как «конфедеративно-религиозную республику»¹²⁷.

Однако подобная классификация вновь не давала конкретных характеристик самим сектам. Подобная ситуация продолжалась на протяжении первой половины XIX в., что еще раз показывает неспособность государства к формированию единой методологической базы для проведения конкретного исследования духовной деструкции.

Во второй половине XIX в., ситуация несколько изменяется - в Своде законов 1857 г., предписания о сектантстве были расширены за счет включения указов, открывавших отделения секретного комитета, главной обязанностью которых было - осуществлять надзор за расколом, а также следить за ростом и распространением сектантства.

Так, уже в 1864 г., был учрежден «Особый временный комитет по раскольничьим делам» в котором работали представители светских и духовных направлений, имел своей целью улучшить положение раскольников – рассматривая стороны народной жизни. Этот комитет пересмотрел предыдущую классификацию, разделив секты на две категории: «более вредные» и «менее вредные»¹²⁸.

Так, по мнению данного комитета к более вредным «сектам» были отнесены религиозные течения, не признающие пришествия в мир Христа, а также не признающие никаких таинств и никакой власти «Богопоставленной». Остальные же секты и толки признавались менее вредными¹²⁹.

---

¹²⁷ Даль В.И. Исследование о скопческой ереси. СПб.: по приказанию г. Министра Внутренних Дел, 1844. С. 67.

¹²⁸ Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб.: А.С. Суворин, 1882. С. 42.

¹²⁹ Зубарев Е.К. Современные вопросы в полемике с расколом старообрядчества. Кострома: Губ. тип., 1909. С. 24.

Без должной конкретики дореволюционные исследователи сектантства были вынуждены пересматривать свою позицию в отношении некоторых сект, не понимая, к какой категории лучше всего отнести то или иное учение. Это было связано с тем, что на момент проводимого ими исследования более сотни сект существовало в Российской империи официально, такие, как «демоники», «перемазовцы», «воздыханцы», «бесоперевощенцы», «нетовцы глухие», «нетовцы поющие» и даже «филипповцы нечадородные» в противовес «филипповцам чадородным». И их численность постоянно увеличивалась.

Подобное разделение все же не представляло универсальные рамки для классификации сектантства. Поэтому попытки составить типологическую картину распределения сект на территории Российской империи продолжались.

Только к концу XIX в., разрабатывая вопрос о типологических характеристиках сект, свою наиболее удачную классификацию предложили А.С. Пругавин и Т.И. Буткевич.

Так, со светской позиции, А.С. Пругавин предложил разделение сект на «мистическое» и «рационалистическое». Однако подобная классификация была неполноценной, так как мистика и рационализм в некоторых сектах переплетались очень тесно. Хотя классификация сект предполагала их распределение по категориям на основании сходства в главных чертах, характеризующих ту или иную группу, однако все они, по признанию богослова Буткевича Т.И., были несовершенными¹³⁰.

Однако разделение сект на «мистические» и «рационалистические» в типологической картине произвело значительный сдвиг в рассмотрение данного вопроса, многие светские авторы все еще пытались представить свой взгляд на данный вопрос, например, разделяя секты на «простонародные», к которым относили хлыстов, скопцов, молокан, штунду и подобные, и «интеллигентные», таких как толстовцев и пашковцев. Однако подобное деление все же оставалось неполноценным, поскольку в хлыстовских рядах участвовали аристократы,

---

¹³⁰Буткевич Т.И., прот. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип.: Губ. правл., 1910. С. 37–42.

а также видные представители «серебряного века», а пашковщина усваивалась простыми людьми¹³¹.

Следствием этого стала необходимость рассмотрения сектантства внутри сторон русской жизни, в которой сами секты выделялись как элемент культуры. В свою очередь, такое широкое явление как сектантство не могло остаться незамеченным со стороны философского взгляда на данную проблему.

Рассматривая черты русского сектантства, Н. Бердяев отмечал недостаточность и узость имеющейся «обширной литературы» по русским религиозным движениям, иначе обосновывая сущность русского сектантства: «Я встречал целый ряд самородков, представителей народной теософии, и каждый имел свою систему спасения мира. Никто не мерился на меньшем, чем полное и окончательное спасение мира. Черта чисто русские, чуждые европейскому сознанию. Один видел спасение это в том, чтобы совершенно отрицать и добро, и зло... Другой видел спасение в том, чтобы «завернуться в мгновении», выйти из времени, победить прошлое и будущее. Третий видел спасение в одном непротивлении и ничего, кроме непротивления, не хотел видеть и знать. Четвертый имел свое собственное, им впервые открытое учение о Христе и лишь с ним связывал спасение мира. И для всех очень характерно нежелание знать мировую преемственность, связать себя с опытом и мыслью человечества. Этим людям чужда духовная соборность и еще более чужда им всякая культурная традиция мысли и творчества... Сектант - человек пораженный, раненный неправдой православного быта и церковного строя»¹³².

Таким образом, с точки зрения философии, сектантство рассматривалось недостаточно подробно, несмотря на обширный перечень трудов, накопившийся к началу XX в.

---

¹³¹ Буткевич Т.И., прот. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип.: Губ. правл., 1910. С. 43.

¹³² Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 446–448.

Непосредственно недостаточное изучение русского раскола в дореволюционной научно–богословской мысли объяснялось существованием в русском обществе и печати самых противоположных взглядов на значение раскола, как исторического явления народной жизни. В то время, как некоторые отечественные дореволюционные историки видели в расколе «крупное явление народного умственного прогресса», другие не признавали за ним ничего, кроме «тупой, бессмысленной приверженности в букве и старине, ничего кроме застоя и неподвижности». «Раскол говорили одни, это порождение грубого народного невежества и веками накопившегося суеверия». «Раскол говорили другие, это наш русский народный протестантизм, постепенно и безостановочно прогрессирующий свое учение. Он давно доказал свою поразительную живучесть и свои права на существование, а потому необходимо признать его и примириться с ним»¹³³.

Также в отечественной научно–богословской мысли при характеристике старообрядчества использовались такие мнения, как «раскол – это язва, разъедающая народный организм, это нравственная болезнь темного, невежественного народа, болезнь, которая искусственно вызывается и поддерживается разными вожаками и наставниками раскола. Из своих личных корыстных видов, н расчетов, они морочат темный люд и создают разные нелепые секты»¹³⁴.

Согласно мнению других отечественных дореволюционных исследователей, «раскол по самому существу своему, не может иметь никакого политического будущего, равно как и в настоящее время, он лишен всякого политического смысла и значения. Побольше миссий, миссионеров и он исчезнет сам собою»¹³⁵.

---

¹³³ Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб.: А.С. Суворин, 1882. С. 18.

¹³⁴ Смолин И.В. Миссионерская памятка по вопросам православной веры и церкви, пререкаемым сектантами, с краткими историческими сведениями о русских сектах и их вероучении. СПб.: Типо–лит. "Свет", 1911. С. 22.

¹³⁵ Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881. С. 68.

Что касается самих дореволюционных отечественных представителей раскола, то они выражали такие мнения о расколе и его представителях «раскольники, лучшие представители нашего земства, нашей народной массы; это самая трезвая, самая работающая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства; это лучшие представители ума и гражданственности в русской простонародной среде»¹³⁶.

В свою очередь, дореволюционные православные миссионеры сообщали, что раскольники – «дикие, невежественные изуверы, вносящие разврат и деморализацию в народную среду, увлекающие подкупом голодный, обнищавший люд в свои гнусные секты»¹³⁷.

Несомненно, что в дореволюционной научно–богословской мысли имелось много выводов, масса обобщений, много цельных приговоров, но очень мало непосредственно подтвержденных источниками фактов, мало точных данных, цифр, наблюдений по истории раскола. Одно только не подлежало никакому сомнению, что умственные и нравственные особенности нашего народа проявились по преимуществу в расколе. Поэтому изучение раскола было необходимо для каждого дореволюционного исследователя, который захотел бы идти не на ощупь и не наугад в своих действиях и предположениях.

П.И. Мельников был вполне прав, утверждая, «что ни администрация наша, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол. Наше грубое, полное незнание такого крупного явления народной жизни, как раскол, бросалось в глаза и поражало даже иностранцев»¹³⁸.

То есть для того, чтобы суметь, наконец, установить сколько–нибудь правильные, нормальные отношения к многомиллионному, веками отшатнувшемуся от Православия населению, в дореволюционный период необходимо

---

¹³⁶ Любопытный П.О. Каталог или библиотека староверческой церкви. Саратов: Старообряд. тип. "Сотрудник шк.", 1914. С. 43.

¹³⁷ Кальнев М.А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса.: Тип. Е.И. Фесенко, 1911. С. 16.

¹³⁸ Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. Ч. 1. С. 34.

было знать раскол, сущность его учений и верований, характер и направление всех многочисленных разветвлений его, в виде сект, толков, согласий. Более того, в отечественной дореволюционной научно–богословской мысли, в процессе осмысления истории раскола был сделан вывод о том, что «до сих пор в основе наших отношений к расколу лежало страшное, роковое недоразумение, бывшее причиною того, что мы боролись с расколом орудием непригодным и что поэтому вся наша борьба с расколом не дала никаких результатов»¹³⁹.

То есть, вначале, когда появился раскол, думали покончить с ним крутыми, суровыми мерами. В течение целого столетия казни, пытки и ссылки следовали непрерывным, бесконечным чередом. И что же исчез, ослабел раскол? Нет, ко второй половине XIX века он разросся, пустил корни всюду, охватил большую часть России, проник в столицы, укрепился на окраинах, «свил гнездо» в самом сердце России. Гонения сослужили службу мехов, которые раздули искры в огонь, в страшное пламя, и это пламя охватило огромные пространства России.

Пытки и казни сделались достоянием истории. Под влиянием идей терпимости и гуманности, дореволюционная борьба с расколом приняла совершенно иной характер, характер мирной пропаганды путем миссий и братств. И что же исчез, ослабел раскол? Нет. Хотя отсутствие точной статистики в деле раскола и лишало возможности подкрепить этот вывод положительными цифрами, тем не менее, есть много оснований, много данных доказывающих, что сектантство в дореволюционный период времени продолжало расти и развиваться все более и более. Таким образом раскол усиливался, несмотря ни на суровое, ни на снисходительное отношение к нему государства. Этот факт, между прочим, ясно указывает, что раскол был порожден не временными злободневными причинами, а имел в своем основании нечто более глубокое.

Также следует отметить, что необходимость всестороннего изучения раскола давно была осознана правительством Российской империи. Так, еще в

---

¹³⁹ Скворцов В.М. Существенные признаки и степень вредность мистических и рационалистических сект. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1896. С. 8.

1852 году оно признало необходимым собрать на месте точные сведения о состоянии раскола, узнать, что такое раскол. Для этой цели были отправлены статистические экспедиции в те губернии, в которых особенно сильно развился раскол. С той же целью в разные местности были командированы чиновники Министерства Внутренних Дел. На основании полученных ими на месте данных, они составляли отчеты о «современном состоянии раскола» и представляли их в Министерство Внутренних Дел. Отчеты эти были опубликованы, правительство приняло их за норму, по которой установило свой взгляд на раскол и его развитие, который, по словам Розова, «до самого последнего времени определял действия министерства по делам о раскольниках»¹⁴⁰.

В печати нередко встречались резкие отзывы об этих административных исследованиях. Действительно, нельзя не согласиться, что почти все эти исследования страдали крайней односторонностью и предвзятостью взглядов. Но с другой стороны не следует упускать из виду того обстоятельства, что это был первый опыт непосредственного изучения раскола, поэтому ошибки и разного рода недостатки были при этом, конечно, были неизбежны. К тому же исследователи не были снабжены одинаковой программой действий, вследствие чего каждый из них действовал по собственному усмотрению¹⁴¹.

Вообще же недостаточность и неудовлетворительность всех осуществленных в то время отечественных исследований по расколу была признана даже Высочайшей властью.

Так, 20 января, 1858 года император Александр II, при рассмотрении представленных ему дел о раскольниках, обратил внимание, «что несмотря на обилие у нас печатных книг и рукописных записок, история, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и что поэтому незнание всех обстоятельств раскола затрудняет правительство не только при решении

---

¹⁴⁰Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1863. С. 211.

¹⁴¹Смолич И.К. Борьба против сектантства. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1911. 96 с.

частных случаев о раскольниках, но в особенности при избрании правильной и твердой системы действий в отношении к расколу вообще»¹⁴².

В свою очередь, следует отметить, что ко второй половине XIX века православные воззрения на историю старообрядчества фактически уже сформировались. Так, например, видный иерарх Русской Церкви Филарет (Дроздов) написал знаменитые «Беседы к глаголемому старообрядцу»¹⁴³ об обрядовых вопросах. Владыка был очень строг ко всем сочинениям о расколе, требовал величайшей осторожности не только в мыслях, но и в выражениях. Такими качествами отличаются и его собственные «Беседы», которые он составлял их с величайшею осмотрительностью, проверяя себя указаниями других более ранних православных исследователей раскола. Будучи первоначально опубликованными в «Христианском чтении», его «Беседы», написанные со знанием дела, на основании вновь открытых памятников древности, и «в духе миролюбия», обратили на себя внимание не только православных, но и старообрядцев, и поэтому, по распоряжению Св. Синода, согласно желанию автора, были напечатаны отдельным изданием, в 1835 г. и даже были набраны церковным шрифтом.

Архиепископ Игнатий Воронежский, прежде Олонецкий, оставил после себя сочинения – «История о расколах в Церкви Российской»¹⁴⁴, в котором опровергалась «Соловецкая челобитная» на основании древних рукописей Соловецкой библиотеки, и позже написал «Беседы о мнимом старообрядчестве в беспоповщине и в поповщине»¹⁴⁵.

---

¹⁴² Яцкевич В.И. Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви, с изложением действующего о них законодательства. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1900. 17 с.

¹⁴³ Филарет (Дроздов), митр. Московский. Беседы к глаголемому старообрядцу. СПб.: В Тип. святейшаго правительствующаго Синода, 1836. 240 с.

¹⁴⁴ Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский. Беседы о мнимом старообрядстве в поповщине. СПб.: Тип. Деп. внеш. торговли, 1847. 238 с.

¹⁴⁵ Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский. История о расколах в Церкви Российской. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1849. 352 с.

В 1854 году была издана книга митрополита Григория (Постникова), «Истинно древняя и истинно Православная Церковь Христова»¹⁴⁶, в двух частях. Она представляла собой хорошо разработанную систему православной полемики и апологетики применительно к расколу.

Выше перечисленные и более ранние православные воззрения на историю русского раскола позволили светской науке во второй половине XIX века – начале XX века получить существенное развитие в исследовании истории старообрядчества. В то время были особые причины, от которых зависело состояние науки о расколе, причины общего и частного характера. Причины общего характера, заключались в том, что разработка этой науки облегчалась светскими исследованиями в области других наук. Причины частного характера, появились в связи с введением учения о расколе в круг богословских наук в духовных учебных заведениях и с посвящением изучению раскола особых периодических изданий. Ученые труды в области церковной археологии, литургики и церковной истории, русской языка, очень способствовали поднятию уровня науки о расколе, причем, как полемической ее части, так и исторической. Собственно говоря, полемическая часть, тесно соприкасалась с исторической, так как, заблуждения раскола легко обнаруживались из самой его истории. Богатые материалы для разработки истории раскола и полемики с ним заключались в письменных памятниках старины. В 1846 году министр внутренних дел Российской Империи Лев Алексеевич Перовский, возбуждал вопрос о собрании дел о расколе из архивов именно духовного ведомства, начиная синодским и кончая консисторскими. В пятидесятых годах XIX века, по случаю открытия при академиях и семинариях миссионерских отделений, было сделано распоряжение о снабжении академических и семинарских библиотек книгами и рукописями, уважаемыми раскольниками, тогда же возникло предположение о переводе в академические библиотеки монастырских и других

---

¹⁴⁶Григорий (Постников), митр. Истинно древняя и истинно Православная Христова церковь. СПб.: В тип. Григория Трусова, 1856. Ч. 1. 363 с.

книгохранилищ. Вследствие этого в академические библиотеки поступили редкие собрания древних книг и рукописей, например, в Петербургскую академию из библиотек Новгородского Софийского собора и Кирилло–Белозерского монастыря, в Казанскую академию из Соловецкого монастыря и Ниловой пустыни. В тоже время собиранием книг занимались некоторые частные православные деятели, например, почетный гражданин Хлудов, трудами и средствами которого образовалась, известная в начале 1900-х годов как Хлудовская библиотека, которая располагала коллекцией редких по древности и содержанию книг и рукописей, преимущественно имевших отношение к расколу¹⁴⁷. Таким образом, открылась возможность для широких научных исследований истории раскола.

Переходя непосредственно к рассмотрению конкретных примеров развития воззрений на историю старообрядчества в отечественной дореволюционной светской научной мысли, необходимо отметить, что в 1850–х гг., со стороны правительства была сделана попытка изучения раскола в местах его нахождения. В разные губернии были отправлены особые чиновники и все они представили в министерство свои официальные отчеты. При рассмотрении этих отчетов замечается та особенность, что в большинстве их говорится о «политической важности» раскола и о степени вреда раскольнических сект для государства. Первая «главнейшая причина, поддерживающая раскол», это «протест против правительства и современного порядка вещей», говорится в одной чиновничьей записке о расколе. «В гражданском отношении», говорится в другой такой записке, «раскольники составляют собой особые общества, желающие приобрести себе свою особую самобытность и сопротивляющиеся общим постановлениям государства, общества, кои, при малейших внутренних беспорядках или распрях с соседними державами, могут иметь большое влия-

---

¹⁴⁷ Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. – С. 27.

ние на государство по тайным связям здешних раскольников с иностранными»¹⁴⁸. Изображая раскол в государственном отношении опасным, исследователи видимо желали через запугивание правительства добиться гражданской свободы для раскола.

Между тем, положение старообрядцев на протяжении нескольких столетий было тяжелейшим: периоды милости со стороны властей сменялись периодами суровых испытаний, гонений, скитаний и неисчислимых жертв. На церковном соборе 1666-1667 годов старообрядцы за нежелание принять нововведения были преданы анафеме, незамедлительно начались преследования. Были казнены и замучены защитники старообрядчества - инок Авраамий, боярыня Морозова, княгиня Урусова, выслан в Пустозерск и посажен на цепь, а затем сожжен протопоп Аввакум. Начались гонения и притеснения старообрядцев по всей стране. В 1668- 1676 годах произошел Соловецкий бунт. Монахи отказались принять новые книги и оказали сопротивление царскому войску, которое было послано для подчинения непокорных. Восемь лет Соловецкий монастырь был неприступен и пал лишь от предательства монаха Феоктиста, который указал стрельцам потаенный ход в обитель. Расправа над оставшимися в живых монахами была жестокой¹⁴⁹.

Период открытых гонений на старообрядцев со стороны государства приходится на 1680-е годы - период правления царевны Софьи. В 1685 году она издает печально знаменитые «Двенадцать статей», согласно которым за малейшие провинности, даже укрывательство беглых старообрядцев, люди наказывались жесточайшим образом. пытки, казни, ссылки, экспроприация имущества старообрядцев - плата за верность своим идеям. В ответ старообрядцы покидали родные дома, скрываясь в дремучих лесах, убегали на окраины государства и за его границы. Но и на новом месте защитники старых обрядов не

---

¹⁴⁸Липранди И.П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. С. 46.

¹⁴⁹Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 127.

находили покоя, их поселения разрушали до основания отправленные за ними вслед царские войска, иногда даже сжигали непокорных. Тогда старообрядцы начали сами себя жечь в своих домах, в церквях, целыми семьями со стариками и малыми детьми, целыми поселениями, принимая добровольно смерть, как христианский подвиг.

1700-1760-е годы стали периодом более лояльного отношения к защитникам старых обрядов со стороны государства. Петр I прекратил гонения на старообрядцев, отменив «Двенадцать статей царевны Софьи». Царским указом от 8 февраля 1716 года Петр I приказал переписать старообрядцев по всей империи. Им разрешалось легализовать себя при условии уплаты ими двойного подушного налога, также они обязаны были оплачивать налог на бороды. Запрещалось ношение длинной (истинно русской) одежды, усиливался контроль за регистрацией и выплатой двойного налога, провинившихся штрафовали, ссылали на каторгу. Старообрядцам запрещалось богослужение и совершение треб, что считалось совращением в раскол и за что полагалась, как и прежде, смертная казнь. Но в этот период у старообрядцев впервые появилась возможность к существованию и реализации своих творческих способностей.

Либеральная политика Екатерины II существенно облегчила положение старообрядчества, прекратились их преследования. Своим указом 1761 года Екатерина приглашала вернуться на Родину старообрядцев, бежавших за границу, предлагая им для освоения южные степи Новороссии, Нижнее Поволжье, Сибирь, видя в них экономически активное население. Самым важным последствием екатерининских распоряжений было «водворение раскольников в городах, не исключая и столичных, тогда как прежде они не имели на это права»¹⁵⁰.

Позднее старообрядцы были уравнены в правах с остальным населением, освобождены от двойной подушной подати, получили возможность занимать общественные должности. Указом о терпимости всех вероисповеданий от 17 июня 1773 года духовным властям запрещалось вмешиваться в дела других

---

¹⁵⁰ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 128.

конфессий. Старообрядцам разрешено было иметь священников, но строить только часовни (храмы без алтарей), что означало невозможность совершения главного христианского богослужения - литургии. Поэтому литургию старообрядцам по-прежнему приходилось служить тайно, часто по ночам.

Император Павел I, как глубоко верующий человек, чтит Святую Церковь, много сделал для ее процветания и восстановления Русской церкви.

12 марта 1798 года императором был подписан указ «О дозволении старообрядцам строить церкви», согласно которому заметно облегчилось положение старообрядцев. Им обещали вернуть конфискованные книги. По инициативе императора была создана Единоверческая старообрядческая церковь, которая должна была способствовать преодолению раскола. Единоверие признавало старые обряды равно спасительными. В марте 1801 года император Павел был убит, и дело восстановления Русской церкви было остановлено¹⁵¹.

Во время либерального правления Александра I идея единоверия была дискредитирована тем, что в единоверческие приходы присылали священников, далеких от истинной православной веры, а в единоверческие храмы стали загонять насильно. Происходит планомерное жесткое давление как со стороны государства, так и со стороны господствующей Церкви. Повсеместной распространяется практика доноительства местным властям о жизни старообрядцев: о том, что они построили часовню, обратили крестьян в старообрядчество, вступили в брак с православными господствующей церкви. Столичная власть, духовная и светская, не допускала уступок старообрядцам со стороны местных чиновников. В этот период участились случаи перехода к старообрядцам не только рядовых прихожан, но и православных священников, которые не могли смириться с несправедливостью гонений на братьев по вере и осуждали корыстолюбивых епископов.

---

¹⁵¹ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 129.

Правление Николая I было самым тяжелым временем для приверженцев древней православной веры. Создание единоверческой церкви не смогло примирить старообрядцев с официальной церковью. Сторонники старой веры начали преследоваться как государственные преступники, их насильно загоняли в единоверие. Храмы старообрядцев передавались единоверческой церкви, участились суды над старообрядцами. Широко распространяется создание правительством секретно - совещательных комитеты в тех губерниях, где было больше всего раскольников. Первый секретно- совещательный комитет по делам раскольников был учрежден в Петербурге в 1825 году еще при императоре Александре I. Совещания комитетов хранились в тайне. С 1838 по 1856 годы такие комитеты были созданы более, чем в двадцати губернских городах. В состав комитетов входили чиновники и духовные лица, которые контролировали старообрядческие общины, вели слежку за ее членами.

С 1834 года старообрядцам запрещено было вести метрические книги, выписки из которых заменяли документы, удостоверяющие личность. Обвенчанных по старому обряду судили, не признавали их брак законным, а детей, рожденных в этом браке, считали незаконнорожденными. Старообрядцам запрещалось строить новые часовни и ремонтировать старые, занимать различные общественные должности.

В 1846-1847 годах были приняты законы, запрещавшие «старообрядцам приобретать недвижимость, землю, вступать в купеческие гильдии, быть избранными на общественные должности. Целые старообрядческие селения были отданы под полицейский надзор». В период правления Николая I уничтожаются скиты, общежительства, разоряются храмы староверов жандармами, старообрядцы лишаются прав гражданства. В борьбу со староверами вовлекаются все центральные органы власти: МВД, Синод, Третье Отделение Его Императорского Величества Канцелярии, Министерство иностранных дел. Главная цель - установить источники поступления средств и препятствовать их получению. Отменяются завещания в пользу старообрядческих общин, пересмат-

риваются ранее утвержденные завещания, недвижимую собственность, приносящую доход, - дома, лавки - насильственно передают «законным наследникам»¹⁵².

Между тем настали 1860–е годы. Пора новых взглядов, модных на тот момент идей не замедлила подарить новую литературу по расколу. В 1863 году Н.В. Варадинов уже разбавил мысли А.П. Щапова своими соображениями¹⁵³, а в 1870 году в работе «Раскол и его значение в народной русской истории» В. Андреева¹⁵⁴, эти мысли были окончательно сформированы. «Оппозиция раскола, по мнению В. Андреева, носила чисто земский характер, а потому и изучать раскол можно только с земской точки зрения». «Раскол явился оппозицией не только земских вообще, но и местных, областных прав и преданий объединявшим и уравновешивавшим стремлениям центральной власти». Раскол возник при Алексее Михайловиче потому, что тогда последовало «окончательное закрепощение крестьян», и «властолюбие и резкий нрав патриарха Никона только ускорили появление раскола». «Отмена крепостного права и положение о земских правах, дарованное в царствование Александра II, повели к подрыву раскола», так что скоро он «совершенно должен исчезнуть». Как объяснить разнообразие раскольнических согласий? «Согласия и толки есть следствие местных, этнографических явлений», на которых «отразились особенности разноплеменно русского населения». По его мнению, «Чем больше жило разнородных племен на русской земле, чем больше было местностей и уголков России, не схожих друг с другом, тем разнообразнее были основания, на которых не принимались представителями раскола объединительные и нивелирующие формы государственного быта, выработанные в русском правительственном центре, тем многочисленнее должны были явиться толки, на которые делился

---

¹⁵² Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 130.

¹⁵³ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1863.

¹⁵⁴ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. 424 с.

раскол». На образование главных видов раскола, по мнению автора, имели влияние два рода преданий: «поповщина есть отражение старинных московских преданий, беспоповщина – древненовгородских»¹⁵⁵.

Однако, почему раскольники представители «земства» постоянно говорят о вопросах церковных? – «На богословских спорах раскольников, отвечает Андреев, отразились неблагоприятные климатические, гигиенические и социальные условия. Отрицая церковные мотивы происхождения раскола, Андреев пишет, «неужели оттого, что одни крестились двумя перстами... а закон других, предписывал трехперстное знамение... 10 миллионов народа отпали от прочей массы – русского населения, чуждаются ее, избегают общения с нею?»¹⁵⁶. Здесь автор не стесняется показать свой недостаток веры, недостаток религиозного чувства и свое незнание Русской истории, того, что идеал Руси нравственно–религиозный, что Русь уживалась и с суровостью, и злоупотреблениями власти, и с разными общественными тягостями, но положительно не могла уживаться с тем что считалось ересью. Автор не видит ничего странного и уверен в том, что раскол есть протест областных земских преданий против объединения, удивительный протест, начало которого положено протопопами в Москве, откуда, как из центра, он и распространился по другим городам. Андреев видел в отмене крепостного права залог падения раскола, а продолжателям Андреева, когда время показало полную несостоятельность его убеждения, пришлось говорить, что «как ни велики по идее реформы Александра II, они не могли, разумеется, вырвать с корнем из нашей жизни все то зло, что веками накопилось в ней»¹⁵⁷.

В сочинении Андреева обращает на себя внимание, еще и то, что раскол представляется им совершенно безопасным в политическом отношении. По

---

¹⁵⁵ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. С. 219.

¹⁵⁶ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. С. 220.

¹⁵⁷ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. С. 220-221.

словам Андреева, «гонимый из центра России на русские окраины и за русские пределы, раскол всюду развивал русскую народность и содействовал как обрусению окраин государства, так и приобретению Россией новых областей»¹⁵⁸. Так говорить о расколе было возможно потому, что правительство в то время решилось дать раскольникам некоторые гражданские права. Даже лица, прежде запугивавшие правительство расколом, теперь заговорили в угоду времени. В таком положении оказался П.И. Мельников. Когда в 1857 году Мельников составил, по поручению министра Внутренних дел Ланского, для великого князя Константина Николаевича, записка о русском расколе, он видел в расколе «сильное против нас орудие государствам заграничным»¹⁵⁹ и на этом основании высказывался за предоставление прав раскольникам, так как, «благодаря преследованиям, сочувствие раскольников оказалось на стороне иностранных правительств»¹⁶⁰. А когда в 1875 году правительство готовило закон о правах раскольников «менее вредных» согласий, тот же П.И. Мельников, приглашенный в качестве эксперта, все прежние свои показания о расколе признал несправедливыми и стал уверять что, «раскольники всех толков безвредны не только в государственном, но и в общественном отношениях»¹⁶¹.

Таким образом, взгляд на раскол, как явление гражданское, был так сказать, «очищен». Оставалось продолжать отыскивать «светлые» стороны в расколе. Это и взяли на себя другие дореволюционные светские исследователи.

Крупная доля в этом отношении принадлежит Н.И. Костомарову. Известный русский историк считал раскол «крупным явлением умственного прогресса». В расколе, писал он, «привыкли видеть одну тупую любовь к старине,

---

¹⁵⁸ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. С. 222.

¹⁵⁹ Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1864. Ч. 1. С. 84.

¹⁶⁰ Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1864. Ч. 1. С. 85.

¹⁶¹ Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1864. Ч. 1. С. 87.

бессмысленную привязанность к букве; его считают плодом невежества, противодействием просвещению, борьбой окаменелого обычая с подвижной наукой. По сущности предмета, который служил расколу основой, раскол действительно представляется с первого раза до крайней степени явлением консервативного свойства, дело шло об удержании старых форм жизни духовной, а по связи с ней и общественной, притом, до мельчайших подробностей и тонкостей, без всяких уступок. Но в тоже время потребность удержать то, что прежде многие века стояло твердо, не подвергаясь колебанию, вызывало вслед за собой такие духовные нужды, которые вводили русский народ в чуждую ему до того времени область мысленного труда¹⁶². Поэтому, «раскол не есть старая Русь. Раскол явление новое, чуждое старой Руси. Раскольник не похож на старинного русского человека. В старой Руси народ мало думал о религии, мало интересовался ей, раскольник же только и думал о религии. В старинной Руси обряд был мертвой формой и исполнялся плохо, раскольник искал в нем смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно. В старинной Руси знание грамоты было редкостью, раскол читал и пытался создать себе учение. В старой Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих, раскол любил мыслить, спорить, раскольник не успокаивает себя мыслью, что если приказано сверху так—то молиться, то стало—быть так и следует; раскол хотел сделать собственную совесть судьей приказания, раскол пытался сам все поверять и исследовать»¹⁶³. Отсюда Костомаров сделал заключение, что раскол — это «образовательный элемент для простолюдина», что его значение «народно—образовательное»¹⁶⁴.

---

¹⁶² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Москва, Эксмо, 2011. С. 457-458.

¹⁶³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Москва, Эксмо, 2011. С. 459.

¹⁶⁴ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Москва, Эксмо, 2011. С. 462.

Это мнение Н.И. Костомарова с течением времени светская, так называемая либеральная, печать постаралась возвести на степень аксиомы. Компиляторами на этом поприще явились И.И. Юзов, А.С. Пругавин, И.С. Абрамов, познакомившиеся с публикациями исследований по теме раскола чрез «Русскую мысль», «Отечественные записки», «Слово», «Вестник Европы» и другие, существовавшие тогда, журналы. Все они ставили своей задачей отыскать в расколе те элементы, которые свидетельствовали бы о прогрессивном движении в нем народной жизни. По их мнению, русский народ долгое время жил как бы несознательную жизнью, не признавал достоинства и прав своей личности. Но рано или поздно эта «стоячая вода» должна была всколебаться. Они считали, что, культурная, умственная жизнь каждого народа начинается прежде всего в сфере религиозных вопросов, наиболее для него близких и важных. Пробудившаяся мысль начинает подвергать критике догматы, принятые некогда бессознательно и усвоенные чисто механически. Первым внешним толчком для русского народа на этом пути был «деспотизм» патриарха Никона. Вследствие возникшего недовольства, у недовольных явилось стремление к проверке справедливости и законности действий по отношению к ним и прежде всего со стороны церковной власти. Результатом этого было признание «погрешимости» господствующей Церкви и отделение от нее для образования отдельного церковного общества. Но поскольку началась поверка религиозных тезисов, возникла потребность в более сознательной ассимиляции их, к ним в сознании народа всегда и неизбежно примешиваются все те социальные и бытовые тенденции и стремления, до понимания которых он умел возвыситься и которые возникли в нем под влиянием общего строя окружающей его жизни. Поэтому, отвергнув церковную власть, раскол «объявил вместе и крепостное право антихристианским учреждением» и «Уложение» царя Алексея Михайловича признал противным вере. В своем отрицании раскол стал «под знаменем св. Писания, под знаменем богословия, то есть науки. Протест против социального строя был формулирован посредством истин, взятых из богословских

книг. Богословие было единственной наукой, известной тогда русскому человеку, и нет ничего удивительного в том, что он выразил свои чувства и стремления в терминах и понятиях этой науки. Для него мало имела значения форма, в которой выльются его чувства и идеи, главной его заботой было систематизировать свои идеи в известное учение: богословие ему в этом сильно помогло»¹⁶⁵. Таким образом, на взгляд указанных писателей, «только крайняя умственная близорукость может утверждать, что раскол представляет собой явление исключительно религиозное, чуждое всяких бытовых и общественных мотивов и стремлений»¹⁶⁶. Нет, многие недостатки и нестроения в социально-экономической сфере, продолжающие господствовать до революции 1917 г., при существовании недовольства, еще более усиливали необходимость критической поверки и, следовательно, усиливали раскол.

Таким образом, раскол – это «сила, громадная, поразительная сила». Но спрашивается: какого свойства эта сила, какого характера, – положительного или отрицательного? Положительного, отвечают дореволюционные светские идеализаторы раскола, «раскол–это самое выдающееся, самое яркое явление умственной и нравственной жизни нашего народа». Он «пополнялся и рос, воспринимая всегда лучшие жизненные соки русского народа». «В раскол идут люди, наиболее одаренные духовными талантами, наиболее способные и даровитые». «Во всех движениях раскола видится горячее, искреннее стремление народа добиться истины, правды. Учение раскола постепенно освобождается от разного рода уродливостей, суеверий и предрассудков, постепенно становится все чище, разумнее и светлее. Раскол стремится к умственному просветлению и нравственному совершенству. Он протестует против всякого рода буквоедства и схоластики, против современной развращенности нравов, против

---

¹⁶⁵Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Москва, Эксмо, 2011. С. 462-464.

¹⁶⁶Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881. С. 93.

господства капитала»¹⁶⁷. Огромное большинство раскольников, по мнению этих авторов, стоит несравненно выше православного населения по своему нравственному развитию, раскольники «самая зажиточная» и «экономически состоятельная» часть нашего народа, в домашнем быту у них царит образцовый порядок и замечательная опрятность. Поэтому, говорили идеализаторы раскола, раскол вовсе «не враг общественного порядка, а лучший друг его». «В раскол обращаются целыми массами, целыми тысячами и цифра раскольников достигает теперь до 16 миллионов»¹⁶⁸. Вот как восхваляли раскол сотрудники светской либеральной печати, и, так восхвалив его, делали и достойное этого восхваления заключение: «раскол, говорили они, не пропадет бесследно на веки, не рухнет как обветшалое здание – нет! – он будет жить, он свое дело сделает. Православие в том положении, в каком оно находится, в глазах народа падает все ниже и ниже. Раскол становится верой, религией русского народа. Это движение внесет в сознание народных масс новые здравые идеи, поставит новые жизненные идеалы»¹⁶⁹.

Таков взгляд на раскол, бытовавший в исследуемый период времени в светской литературе. Что сказать о таком взгляде? Конечно он не справедлив. Взгляд на раскол, как явление гражданское, начал с того, что заподозрил вред от раскола, даже с политической стороны, а кончил открытием одних светлых сторон в расколе. Такой переход по меньшей мере странный, хотя и невозможный там, где имеют место предвзятые цели или заранее составленные теории, где обыкновенно факты подбираются искусственно, нередко будучи взятыми из чуждой области, причем из того, что имеет частное исключительное значение, делается вывод общего характера. И не нужно удивляться что старое учение о расколе не было поколеблено новым взглядом.

---

¹⁶⁷ Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881.С. 94.

¹⁶⁸ Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881.С. 95.

¹⁶⁹ Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881.С. 95-96.

Подводя итог, необходимо отметить, что, рассмотрев развитие воззрений на историю старообрядчества в отечественной дореволюционной научно–богословской мысли, можно говорить о том, что в первую очередь в отечественных дореволюционных исследованиях зачастую обосновывалась крайняя, настоятельная необходимость систематического и всестороннего изучения раскола. Причем подчеркивался тот факт, что подобное исследование должно было проводиться и представителями специализированных государственных органов, и представителями русского общества церковными и научными деятелями.

В целом в это время феномен и история старообрядчества в дореволюционной научно–богословской мысли рассматривались с совершенно противоположных точек зрения. То есть одни исследователи, преимущественно православные, характеризовали старообрядчество, как дикое, фанатичное, сектантское явление, разрушительное для России и для Русской Православной Церкви. А другие исследователи, преимущественно светские либералы, говорили о старообрядчестве, как о положительном и даже передовом для России явлении.

2.2. Развитие воззрений на историю старообрядчества в западной дореволюционной научно–богословской мысли

В свою очередь дореволюционное западное исследование раскола в России было представлено тремя основными исследователями – И. Герингом, бароном А. фон Гакстгаузенем и А.Ф. Хердом.

Непосредственно в России в конце XIX в., был опубликован перевод работы доктора богословия, профессора Лейпцигского университета Йоханеса

Геринга «Раскол и секты Русской Церкви. (1003–1897 г.) По их происхождению и внутренней связи»¹⁷⁰. В представленной работе автор использовал методы анализа, синтеза, обобщения, типологизации, анализа исторических источников и литературы.

В сборе информации И. Геринг опирался на доступные ему труды иностранных и российских исследователей, изучавших историю церкви с конфессиональной и вне конфессиональной позиций.

Будучи немцем по национальности, И. Геринг не имел возможности публикации своей работы на территории Российской империи.

Поэтому прот. Т.И. Буткевич выполнил перевод работы И. Геринга «Секты Русской Церкви. (1003–1897 г.) По их происхождению и внутренней связи», который получил название «Раскол и секты Русской Церкви. (1003–1897 г.) По их происхождению и внутренней связи. Ч. 1.»¹⁷¹, и был напечатан в 1903 г.

В целом, рассматриваемая работа И. Геринга является систематизацией данных по истории отечественного раскола, отраженных в трудах по общей истории России и церковной истории, таких отечественных представителей исторической науки, как М.М. Щербатов, архиепископ Филарет (Гумилевский), Н.М. Карамзин и нескольких иностранных историков.

Еще одним примером иностранных исследований русского старообрядчества является труд барона А. фон Гакстгаузена «Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями» в котором встречаются заметки о русских раскольниках. Так барон А. фон Гакстгаузен, которому нельзя отказать в серьезном и беспристрастном отношении к делу изучения различных сторон русской народной жизни, характеризуя русское сектантство, говорит: «Вообще, русское

---

¹⁷⁰ Gehring J. Die Sektender Russischen Kirche, (1003-1897): Nach Ihrem Ursprunge und Inneren Zusammenhange. - Leipzig, 1898. 240 p.

¹⁷¹ Gehring J. Die Sektender Russischen Kirche, (1003–1897): Nach Ihrem Ursprunge und Inneren Zusammenhange. Leipzig, 1898. P. 188.

сектантство еще совершенно не изучено: о нем ничего нельзя узнать ни от православного духовенства, ни от чиновников, так как они, в самом деле, ничего о нем не знают»¹⁷². Потом далее, выясняя значение раскола, он продолжает: «Так как нельзя узнать и правильно оценить жизнь и быт народа, его общественные и политические учреждения, не выяснив его религии, то я, во время моего путешествия, повсюду собирал данные о русских сектах. Я не могу утверждать, что вполне исчерпал этот предмет, но все же, в конце концов, знаю о нем больше, нежели все иностранцы, даже нежели большинство русских, не исключая и чиновников»¹⁷³. Несмотря на такое смелое утверждение о знании русских сект, в целом его работа не имеет особенной важности, так как он изучал раскол лишь поверхностно и поэтому относился к предмету исследования слишком просто.

В качестве следующего примера дореволюционных западных исследований по истории русского раскола представляется возможным привести американского автора Альберта Фарлиа Херда. Данный исследователь в 1887 году опубликовал на английском языке работу «Русская Церковь и Русское Несогласие».

В данном труде, в отличие от большинства отечественных исследований, раскол рассматривается в цивилизационном историческом контексте. Так, например, А. Херд отмечает тот факт, что Русская Православная Церковь на протяжении нескольких веков была потрясена многочисленными сектами, почти полностью неизвестными за границей, но частично исследованными в России. Религиозное движение, из которого происходили эти секты, обычно обозначалось как «раскол». Далее А. Херд отмечает, что раскол – это особенное русское и национальное по своему происхождению и характеру движение.

---

¹⁷²Гакстгаузен А. фон. Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. С. 194-196.

¹⁷³Гакстгаузен А. фон. Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. 196.

Причем это движение никогда не выходило за пределы империи, и внутри них оно было ограничено в основном провинциями, где население в основном являлось коренным русским. Это движение, по его мнению, имело самую разнообразную природу, абсолютно без единства в своем развитии, подразделялось на тысячу разных социальных групп, отличных друг от друга, имевших в качестве общего признака противостояние официальной Церкви. Это исключительно популярное в народе движение. Оно возникло и существует преимущественно в крестьянской среде и среди большого количества русских людей, не принадлежавших к образованным или высшим слоям общества. Также принадлежность к расколу указывает на особое психическое и социальное состояние отдельной группы русских людей, по его мнению, подобное состояние не имеет аналогов в религиозных системах других странах¹⁷⁴.

Согласно А. Херду, и германский протестантизм, и русский раскол сохраняли печать своего сходного религиозного происхождения, как и каждая из существовавших протестующих против официальной религии церквей, но в России раскол – это был не русский протест, а то, что обозначалось русским словом, означающим «разрыв»¹⁷⁵.

В целом же, по мнению А. Херда, написание подробной истории раскола есть труд в высшей степени важный и необходимый, как в политическом, так и в научном отношении. Бесспорно, и то, что этот труд далеко не легкий и к его выполнению следует стремиться коллективными силами. Поставив себе задачей охватить историю раскола во всех главных ее моментах, стараясь не упустить при этом и существенных подробностей, А. Херд постарался изложить историю Русского «раскола» в понятном для западного читателя и достаточно кратком виде. Работа А. Херда дает достаточно полную и объективно изложенную историю «раскола». В частности, девятая глава его труда посвящена рассмотрению вопроса о происхождении русского раскола. И несмотря на то, что

---

¹⁷⁴Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 102.

¹⁷⁵Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 104.

на эту тему, в то время, было много различных теорий и взглядов, А. Херд, отмечает, что интерес к исследованию и изучению Русского раскола, не ослабевает и в его время, вновь ставится вопрос о сущности и причинах раскола, но, чтобы выйти из области предположений, необходимо основываться исключительно на таких источниках, в которых, по его мнению, дается точный и ясный ответ¹⁷⁶.

А. Херд воспользовался всеми доступными ему, на момент написания работы источниками и пришел к выводу, что вопрос о происхождении раскола в России очень сложный и называть его причину по какому-либо одному течению исторической жизни России XVII века невозможно. Вместе с тем, по мнению Херда, вопрос Русского раскола не загадочный, а напротив, понятный и это он пытается утверждать в своей работе. Он говорит, что была особого рода почва, на которой вырос раскол, и была особая атмосфера, при которой он зародился. Рассматривая вопроса об идейной почве старообрядчества Херд разъясняет читателю, почему возник раскол в связи с исправлением богослужебных книг и церковных обрядов. В вопросе об атмосфере, в которой возник раскол, старается показать то, почему раскол появился именно во второй половине XVII века.

В пятой, девятой и десятой главах книги А. Херда кратко, но вместе с тем последовательно, излагает историю раскола с начала его существования до распада на «поповщину» и «беспоповщину». Автор делает вывод, что эта эпоха истории Русского раскола насколько интересна, столь же и малоизвестная, мало исследованная, особенно необходимо изучить внутреннюю жизнь в расколе. Автор отмечает, что в России сохранилось не мало произведений непосредственно раскольнической письменности того времени. Это, по его словам, книги, писания, сказания, послания, ответы, которые имели тогда руководствующее значение для раскола. Благодаря этим источникам, можно видеть и то затруднение, в которое попали раскольники, по причине отделения от

---

¹⁷⁶Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 179.

Церкви. Можно проследить различие взглядов первых расколоучителей по вопросам внутренней жизни раскола, и частое несогласие народа с их наставлениями и законоположениями¹⁷⁷.

В десятой и одиннадцатой главах работы А. Херда содержится описание истории «беспоповщины» и «поповщины». Описывая историю «беспоповщины», автор отмечает, что ее зарождение и развитие есть не что иное, как история критического отношения самих беспоповцев к основным началам «беспоповщины». Все беспоповские толки, крупные и мелкие, по мнению автора, находились во взаимной полемике и споре, старались защищать самих себя, каждый имел свое происхождение, постепенное и последовательно разработанное учение, с указанием отличительных особенностей этого учения¹⁷⁸.

Непосредственно история «поповщины», по мнению А. Херда, шла тем же путем обнаружения внутренней несостоятельности ее начал. Много раз последняя сотрясалась и падала под ударами своих внутренних нестроений. В то же время не оставалось сомнений в том, что «поповщина» и «беспоповщина» по сути две ветви одного и того же раскола, порождение одних и тех же причин, прежде всего из объединяло, враждебное отношения правящей Церкви. Эти крупные направления раскола, которые объединяются только в этой вражде к Церкви, но которые во взаимной вражде между собой так же поражают и уничтожают друг друга, совсем, невольно показывая светлую истину Церкви и невольно защищая ее. Более того, А. Херд отмечает, что ясно видели всю эту сторону раскола русские историки и названия их работ «Раскол обличаемый своей историей» или «Зеркало для старообрядцев» бесспорно имели глубокий исторический смысл, важность которого осознают и оценивают по достоинству сами раскольники¹⁷⁹.

---

¹⁷⁷ Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 179-249.

¹⁷⁸ Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 297-298.

¹⁷⁹ Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 194.

Кроме того, для изучения различия между отдельными толками по степени их вреда в политическом отношении А. Херд, приводит в своей работе характеристики общинной и семейной жизни разных направлений и сект русских раскольников.

В одиннадцатой главе работы А. Херда для более полного понимания истории раскола с других его сторон, обосновывается необходимость понимания того, что в истории раскола важное значение имели меры против раскола, как в виде государственных законов о расколе, так и в виде духовных действий к его ослаблению. Такие меры противодействия, были и со стороны церковной власти, и со стороны правительства, а также со стороны частных лиц. Проследив весь путь противодействия, по мнению автора, можно в значительной мере выясняется, как прошлое раскола, так и его эволюция. Так же в контексте изучения истории Российского государства, можно постараться выяснить почему, зародившись раскол то ослабевал, то усиливался, в одно время качественно, в другое количественно, и даже несколько изменился с момента зарождения. По мнению автора, можно проследить извилистый путь его истории. В целом, история борьбы с расколом в России, согласно А. Херду, показывает, какие именно существовали наилучшие средства и способы «врачевания» раскола и чего бы следовало избегать. Борьбу против раскола А. Херд разделяет на два периода. В первый период по мнению автора, борьба велась «устно и писаниями» на протяжении более чем двух первых веков существования раскола. После этого начинается второй период, в котором существовала целая масса самых разнообразных мероприятий против раскола со стороны Российского государства. Характеризуя эти мероприятия, А. Херд отмечает, что было не мало ошибок и слабых сторон, и, что в этом смысле вина нахождения раскольников в расколе падает не на их только упорство, но и на низкую эффективность мероприятий, осуществляемых Российскими органами власти¹⁸⁰.

---

¹⁸⁰Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 237.

Отдельно следует отметить, что, как и большинство отечественных исследователей раскола, А. Херд в своем труде описал центры и общую численность современного ему Русского раскола. Главнейшими центрами раскола, по его мнению, служили Москва, Гуслицы и Поволжье, а в последнем преимущественно Хвалынский и Вольск с уездами. Москва имела значение общего центра, связующего весь старообрядческий мир, на нее одинаково обращали взоры последователи как «поповщинских», так и «беспоповщинских» согласий, и с большим вниманием прислушивались к тому, что говорили московские вожаки раскола. В Москве находились центральные учреждения поповщины и беспоповщины, там жили капиталисты вершители судеб раскола. Именно тут жили главные миссионеры и апологеты раскола, тут же были и подпольные типографии, в которых производились на свет книги и разные иллюстрации. Из Москвы шла деятельная переписка с отдаленными провинциями, из Москвы же по разным местам как европейской, так и азиатской России рассылались начетчики, уставщики, наставники, попы. В Гуслице раскол был крепко поддержкой богатых фабрикантов, а в Поволжье его сила заключалась, кроме материальной обеспеченности, в замкнутости, обособленности от посторонних учений. Гуслицы были знамениты бродягами, конокрадами и фальшивомонетчиками. Они занимали территорию, где сходились три губернии: Московская, Владимирская и Рязанская. Главное сосредоточие гуслицкого раскола составляли приходы Крестовоздвиженский и Запонорский, известные также под именем «Захода», – здесь раскольники являлись основным населением. В каждой деревне была раскольничья часовня и при ней звонница, почти в каждой деревне был свой поп. Гуслицких уроженцев можно было встретить в качестве попов далеко от их родины и на Громовском кладбище в Петербурге, и в иркутском крае в Сибири. И немного находилось мест, где раскол с такой же дерзостью наносил оскорбления Церкви, как в Гуслицах. Второй, после Гуслиц, раскольничьей Палестиной служил Хвалынский с его Черемшанскими скитами. Что касалось вопроса о числе всех раскольников в Российской империи, то, по

мнению А. Херда, хотя вычисления в данном случае очень разные, но оно не превышает трех миллионов последователей¹⁸¹.

Таким образом, исследовав развитие воззрений на историю старообрядчества в западной дореволюционной научно–богословской мысли, необходимо отметить, что в сравнении с отечественными исследователями русского раскола, западная научная мысль осмысливала феномен и историю старообрядчества через призму геополитики, процессов развития мировых религий в целом и протестантизма в частности. Кроме того, западные исследования зачастую опирались на труды отечественных представителей академической исторической науки и отечественных историков Церкви. Более того, западные дореволюционные исследователи в своих трудах не вводят в научный оборот сколько–нибудь ценных источников по истории русского старообрядчества. В результате чего в своих исследованиях представители западной мысли фактически систематизировали историю старообрядчества, открывая ее представителям западной науки.

Но западные дореволюционные исследователи феномена и истории русского раскола смогли внести свой вклад в изучение рассматриваемой проблемы особенно тем, что анализировали отечественное старообрядчество с точки зрения западного менталитета, с учетом особенностей философской антропологии русского менталитета или, как они говорили, менталитета «московской расы». Тем самым рассматривая деятелей русского раскола с более жесткой рационалистической позиции. В результате чего, например, Никон характеризуется западными исследователями как, фактически, главный патриот России. А этот факт свидетельствует об однозначной тенденциозности западных дореволюционных исследователей русского старообрядчества.

---

¹⁸¹ Heard A.F. The Russian Church and Russian Dissent. New York: Harper & Brothers, 1887. P. 212.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, необходимо отметить, что, в первой главе, проанализировав светские и конфессиональные подходы к исследованию феномена старообрядчества в дореволюционной России, представляется возможным говорить о том, что проблема осмысления феномена старообрядчества нашла отражение в работах как отечественных, так и западных исследователей. Причем, подавляющее большинство дореволюционных трудов по данной тематике представлено именно отечественными авторами. То есть из 221 опубликованной дореволюционной работы по теме феномена старообрядчества 218 отечественные и 3 зарубежные. Соответственно наиболее просто определить подходы зарубежных авторов, а именно, два автора являются представителями светской научной мысли, а третий – конфессиональной.

В свою очередь, характеризуя отечественные дореволюционные подходы к исследованию феномена старообрядчества, необходимо отметить, что в рассматриваемый период времени в России исследованием феномена старообрядчества занимались представители Русской Православной Церкви, светской науки, органов государственной власти, правоохранительных органов, а также непосредственно представители старообрядчества. Из них наибольший вклад в процесс осмысления феномена старообрядчества внесли представители Русской Православной Церкви и органов государственной власти.

Кроме того, проведя анализ методологии исследования генезиса и эволюции старообрядчества в дореволюционной научно–богословской мысли, необходимо отметить, что наиболее выраженная и практическая методология изучения русского раскола отражена в работах архиепископа Аркадия (Олонецкого), митрополита Новгородского, Санкт–Петербургского, Эстляндского и Финляндского Григория (Постникова), Адриана Озерского, архимандрита Макария, А.П. Щапова, Н.И. Субботина, Г. Яковлева, И.М. Добротворского, Н.И. Барсова, И.П. Липранди, Н.В. Варадинова, Ф.В. Ливанова, П. Любопытного. При этом стоит отметить, что не всегда дореволюционные исследования

являлись образцами и основами дальнейших научных изысканий. Например, работа П. Любопытного имела примитивный характер без рассмотрения эволюции старообрядчества.

Переходя к выводам по второй главе, необходимо отметить что, рассмотрев развитие воззрений на историю старообрядчества в отечественной дореволюционной научно–богословской мысли, можно говорить о том, что в первую очередь в отечественных дореволюционных исследованиях зачастую обосновывалась крайняя, настоятельная необходимость систематического и всестороннего изучения раскола. Причем подчеркивался тот факт, что подобное исследование должно было проводиться и представителями специализированных государственных органов, и представителями русского общества – церковными и научными деятелями.

В целом в это время феномен и история старообрядчества в дореволюционной научно–богословской мысли рассматривались с совершенно противоположных точек зрения. То есть одни исследователи, преимущественно православные, характеризовали старообрядчество, как дикое, фанатичное, сектантское явление, разрушительное для России и для Русской Православной Церкви. А другие исследователи, преимущественно светские либералы, говорили о старообрядчестве, как о положительном и даже передовом для России явлении.

В свою очередь, исследовав развитие воззрений на историю старообрядчества в западной дореволюционной научно–богословской мысли, необходимо отметить, что в сравнении с отечественными исследователями русского раскола, западная научная мысль осмысливала феномен и историю старообрядчества через призму геополитики, процессов развития мировых религий в целом и протестантизма в частности. Кроме того, западные исследования зачастую опирались на труды отечественных представителей академической исторической науки и отечественных историков Церкви. Более того, западные дореволюционные исследователи в своих трудах не вводят в научный оборот сколько–нибудь ценных источников по истории русского старообрядчества. В

результате чего в своих исследованиях представители западной мысли фактически систематизировали историю старообрядчества, открывая ее представителям западной науки.

Но западные дореволюционные исследователи феномена и истории русского раскола смогли внести свой вклад в изучение рассматриваемой проблемы особенно тем, что анализировали отечественное старообрядчество с точки зрения западного менталитета, с учетом особенностей философской антропологии русского менталитета или, как они говорили, менталитета «московской расы». Тем самым рассматривая деятелей русского раскола с более жесткой рационалистической позиции. В результате чего, например, Никон характеризуется западными исследователями как, фактически, главный патриот России. А этот факт свидетельствует об однозначной тенденциозности западных дореволюционных исследователей русского старообрядчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаза В.А. История России: Нар. изд. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1886. 93 с.
2. Александров Д.А. Выписка из творений св. отцов и учителей церкви в русском переводе, а также из старопечатных древлеписьменных книг и сочинений духовных и светских писателей по вопросам веры и благочестия пререкаемым старообрядцами. СПб.: журн. "Православ. путеводитель", 1907. 376 с.
3. Александров И. Крестьянина Ивана Александрова разговоры о вере с наставником Спасова согласия Аввакумом Онисимовым и наставниками других согласий. М.: Братство св. Петра митр., 1882. 67 с.
4. Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб.: Типография М. Хана, 1870. 424 с.
5. Аркадий (Федоров), архиеп. Олонецкий и Петрозаводский. Послание к поповцам // Христианское чтение. СПб.: 1889. № 9–10. С. 390–397.
6. Барсов Н.И. Русский простонародный мистицизм. СПб.: Типография департамента уделов, 1869. 70 с.
7. Беликов С.Д. Старообрядческий раскол в Томской губернии. Томск: типо-лит. П.И. Макушина, 1894. 41 с.
8. Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России. Париж: YMCA– Press, 1989. 714 с.
9. Библиотечно–поисковая система сайта <https://archive.org> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/search.php?query=&sin=TXT>.
10. Борисов М.К. Письмо ко лже-епископу неокружников - Иову от родного его. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, ценз. 1890. 16 с.
11. Бродский Л.К. К вопросу об единоверческом епископе: историческая справка // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 116-132.

12. Булгаков С.В. Православие. Расколы. Ереси. Секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Западной Церкви. М.: «Современник», 1994. 575 с.
13. Буткевич Т.И., прот. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип.: Губ. правл., 1910. 635 с.
14. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1863. 663 с.
15. Варсонофий, иером. Заметка по поводу статьи бывшего архимандрита Михаила, напечатанной им в старообрядческом журнале "Церьков" под заглавием "В защиту старообрядчества". Новгород: Губ. тип., 1908. 18 с.
16. Верховский И.Т. Путь к решению старообрядческого вопроса. Браила: тип. Пестималжиоглу, 1901. 7 с.
17. Верюжский В.М. Выговская пустынь в первые годы существования // Христианское чтение. 1904. № 5. С. 748-750.
18. Виноградов Н. Раскол пред судом здравого человеческого смысла и правды Божией. Рязань: издание Братства св. Василия, епископа рязанского, 1908. 222 с.
19. Волоцкий И. Просветитель. М.: Спасо-Преображен. Валаам. монастырь, 1993. 381 с.
20. Воробьев Г.А. О Московском соборе 1681-1682 года. СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1885. 158 с.
21. Гакстгаузен А. фон. Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. 336 с.
22. Гейден А.Ф. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. 71 с.
23. Гиббенет Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1882. 586 с.

24. Григорий (Постников), митр. Истинно древняя и истинно Православная Христова церковь. СПб.: В тип. Григория Трусова, 1856. Ч. 1. 363 с.
25. Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1847. 220 с.
26. Давыденко В.Ф. Современное состояние расколо-сектантства в Харьковской епархии (по данным Епархиального миссионерского съезда). Харьков: тип. Губ. правл., 1901. 187 с.
27. Даль В.И. Исследование о скопческой ереси. СПб.: по приказанию г. Министра Внутренних Дел, 1844. 238 с.
28. Добротворский И.М. Исторические сведения об иргизских мнимо-старообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник. 1857. Ч. 1. С. 376–481.
29. Добротворский И.М. Исторические сведения об киргизских мнимо-старообрядческих монастырях до обращения их к единоверию // Православный собеседник. 1857. Ч. 2. С. 519–590.
30. Добротворский И.М. Русский раскол в его отношении к Церкви и правительству // Православный собеседник. 1862. Т. 7. С. 364–392.
31. Дубакин Д.Н. Обращение иргизских раскольнических монастырей в единоверие. Самара: Земск. тип., 1883. 161 с.
32. Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru#ff=18.03.2019&s=fdatedesc>.
33. Есипов Г.В. Люди старого века. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1880. 445 с.
34. Жмакин В.И. Эпизод из истории единоверия // Христианское чтение. 1903. № 10. С. 458-485.
35. Зубарев Е.К. Современные вопросы в полемике с расколом старообрядчества. Кострома: Губ. тип., 1909. 108 с.

36. Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань.: Центральная типография, 1909. 238 с.
37. Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский. Беседы о мнимом старообрядстве в поповщине. СПб.: Тип. Деп. внеш. торговли, 1847. 238 с.
38. Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский. История о расколах в Церкви Российской. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1849. 352 с.
39. Израиль (Лукин), еп. Обзорение русских раскольничьих толков. Харьков.: Унив. тип., 1850. 328 с.
40. Иконников В.С. Новые материалы и труды о патриархе Никоне. - Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1888. 76 с.
41. Иоаннов А., прот. Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях. СПб.: Тип. Св. синода, 1795. 422 с.
42. Иустинов П.Д. Федосеевщина при жизни ее основателя // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 256-281.
43. Каблиц И.И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб.: Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881. 180 с.
44. Казанский К.И. О расколе в Троицком приходе, Каргопольского уезда. Петрозаводск: Губ. тип., 1900. 11 с.
45. Кальнев М.А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса.: Тип. Е.И. Фесенко, 1911. 336 с.
46. Кандарицкий А.П. Опыт систематического пособия при полемике с старообрядцами с кратким очерком развития древних сект и русского расколостарообрядчества. Стерлитамак: тип. А.В. Кузнецова, 1907. 724 с.
47. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в делах исправления церковных обрядов. Вып. 1. Время патриаршества Иосифа. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1887. 175 с.
48. Карлович В.М. Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. М.: тип. А. Малюкова и К°, 1881. 425 с.

49. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. 345 с.
50. Климов Н.Ф. Постановления по делам православной церкви и духовенства в царствование императрицы Екатерины II. СПб.: Лештук. паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1902. 24 с.
51. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Москва, Эксмо, 2011. 1024 с.
52. Кузоро К.А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 182 с.
53. Латыпов И.Р. Краткий обзор историографии старообрядчества [Электронный ресурс] / И.Р. Латыпов. Режим доступа: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/latypov_i_r_kratkij_obzor_istoriografii_staroobryadchestva/32-1-0-1925.
54. Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу: Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и прил. Новгород: паров. тип. Селиванова, 1904. 28 с.
55. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1868. Т. 1. 459 с.
56. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1872. Т. 2. 620 с.
57. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII-XVIII вв. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. 652 с.
58. Липранди И.П. Мнение, представленное д.с.с. И.П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. Т. 6. № 7. С. 70–86.
59. Липранди И.П. Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 77 с.

60. Лосский Н.О. Рассмотрение деятельности духовенства в отношении к расколу // Христианское чтение. 1887. № 9-10. С. 467-476.
61. Любопытный П.О. Каталог или библиотека староверческой церкви. Саратов: Старообряд. тип. "Сотрудник шк.", 1914. 186 с.
62. Майнов В. Живые покойники // Исторический вестник. 1881. Т. 6. С. 747-772.
63. Макарий (Булгаков), митр. Московский. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1889. 404 с.
64. Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев: тип. Киево-Печерск. Успенск. лавры, 1901. 1029 с.
65. Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. Ч. 1. 290 с.
66. Молзинский В.В. Историография истории старообрядчества в отечественной культуре [Электронный ресурс] / В.В. Молзинский. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriografiya-istorii-starobryadchestva-v-otechestvennoy-kulture>.
67. Муравьев А.Н. Раскол, обличаемый своею историею. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1854. 429 с.
68. Надеждин К.Ф. Споры беспоповцев Преображенского кладбища и Покровской часовни о браке. СПб.: Печатня В. Головина, 1865. 75 с.
69. Николаев К.Н. Очерк истории поповщины с 1846 года. М.: Унив. тип., 1865. 138 с.
70. Нильский И.Ф. Семейная жизнь в русском расколе. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. 256 с.
71. Новицкий О.М. Духоборцы: их история и вероучение. Киев: Унив. тип. (И. Завадзкого), 1882. 282 с.
72. Озерский А.И. Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг, свидетельствующих о святости соборной и апостольской церкви

и о необходимости покоряться ее уставам, для достижения спасения. М.: Университетская типография, 1862. 366 с.

73. Палладий (Кафаров), архим. Обзорение Пермского раскола. СПб.: Типография Духовного журнала «Странник», 1863. 47 с.

74. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. 348 с.

75. Петров Н.И. Дело о московских старообрядцах // Русский вестник. 1881. №12. С. 641-710.

76. Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого. М.: кн. маг. В.В. Думнова под фирмою насл. бр. Салаевых, 1888. 360 с.

77. Пешехонов И.Ф. Ответы И.Ф. Пешехонова на вопросы. М.: Братство св. Петра митрополита, 1888. 344 с.

78. Победоносцев К.П. и его корреспонденты. М.: Гос. изд-во, 1923. 489 с.

79. Полное собрание законов Российской Империи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html.

80. Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб.: А.С. Суворин, 1882. 428 с.

81. Пругавин А.С. Религиозные отщепенцы (очерки современного сектантства). М.: URSS, 2011. 209 с.

82. Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. 283 с.

83. Пушкарев С.Г. Историография старообрядчества [Электронный ресурс] / С.Г. Пушкарев. Режим доступа: <http://www.golubinski.ru/history/istorist.htm>.

84. Сборник законоположений, разъяснений Правительствующего сената, циркуляров и других правительственных распоряжений о евреях. СПб.: типо-лит. С. Муллера и Богельмана, 1886. 166 с.

85. Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner & Co, 1860. Вып. 1. 224 с.
86. Скворцов В.М. Существенные признаки и степень вредность мистических и рационалистических сект. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1896. 19 с.
87. Смолин И.В. Миссионерская памятка по вопросам православной веры и церкви, пререкаемым сектантами, с краткими историческими сведениями о русских сектах и их вероучении. СПб.: Типо-лит. "Свет", 1911. 238 с.
88. Смолич И.К. Борьба против сектантства. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1911. 96 с.
89. Стефанович Д.Ф. О значении Стоглава в истории древнерусского церковного права. СПб.: тип. М. Меркушева, 1910. - 8 с.
90. Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синод. тип., 1892. 47 с.
91. Субботин Н.И. Современные движения в расколе. М.: В Унив. тип. (Катков и К^о), 1866. 88 с.
92. Суворов Н.С. О происхождении и развитии русского раскола. Ярославль: тип. Г. Фальк, 1886. 66 с.
93. Титов А.А. Дневные дозорные записи о московских раскольниках. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1885-1892. 251 с.
94. Филарет (Дроздов), митр. Московский. Беседы к глаголемому старообрядцу. СПб.: В Тип. святейшаго правительствующаго Синода, 1836. 240 с.
95. Филиппов И.Ф. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1862. 480 с.
96. Христофор (Максимов), прот. Попытка узаконить беззаконие. М.: Рус. печ., 1910. 98 с.
97. Цвейтов П.И. Описание Подрельского раскола: История его от возникновения и до настоящего времени. 1906 г. Вятка: Тип. и лит. Шкляевой, 1908. 110 с.

98. Чичинадзе Д.В. Сборник законов о расколе и сектантах, разъясненных решениями Правительствующего сената и Святейшего синода. СПб.: тип. Д.В. Чичинадзе, 1899. 165 с.
99. Щапов А.П. Земство и раскол. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1862. Т. 1. 165 с.
100. Щапов А.П. Русский раскол старообрядства. Казань: Иван Дубровин, 1859. 547 с.
101. Энциклопедический лексикон. СПб.: Типография А.А. Плюшара, 1835. Т. 1. 582 с.
102. Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. 169 с.
103. Яцкевич В.И. Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви, с изложением действующего о них законодательства. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1900. 83 с.
104. Gehring J. Die Sektender Russischen Kirche, (1003–1897): Nach Ihrem Ursprungeund Inneren Zusammenhange. Leipzig, 1898. 240 p.
105. Heard A.F. The Russian Churchand Russian Dissent. NewYork: Harper&brothers, 1887. 335 p.